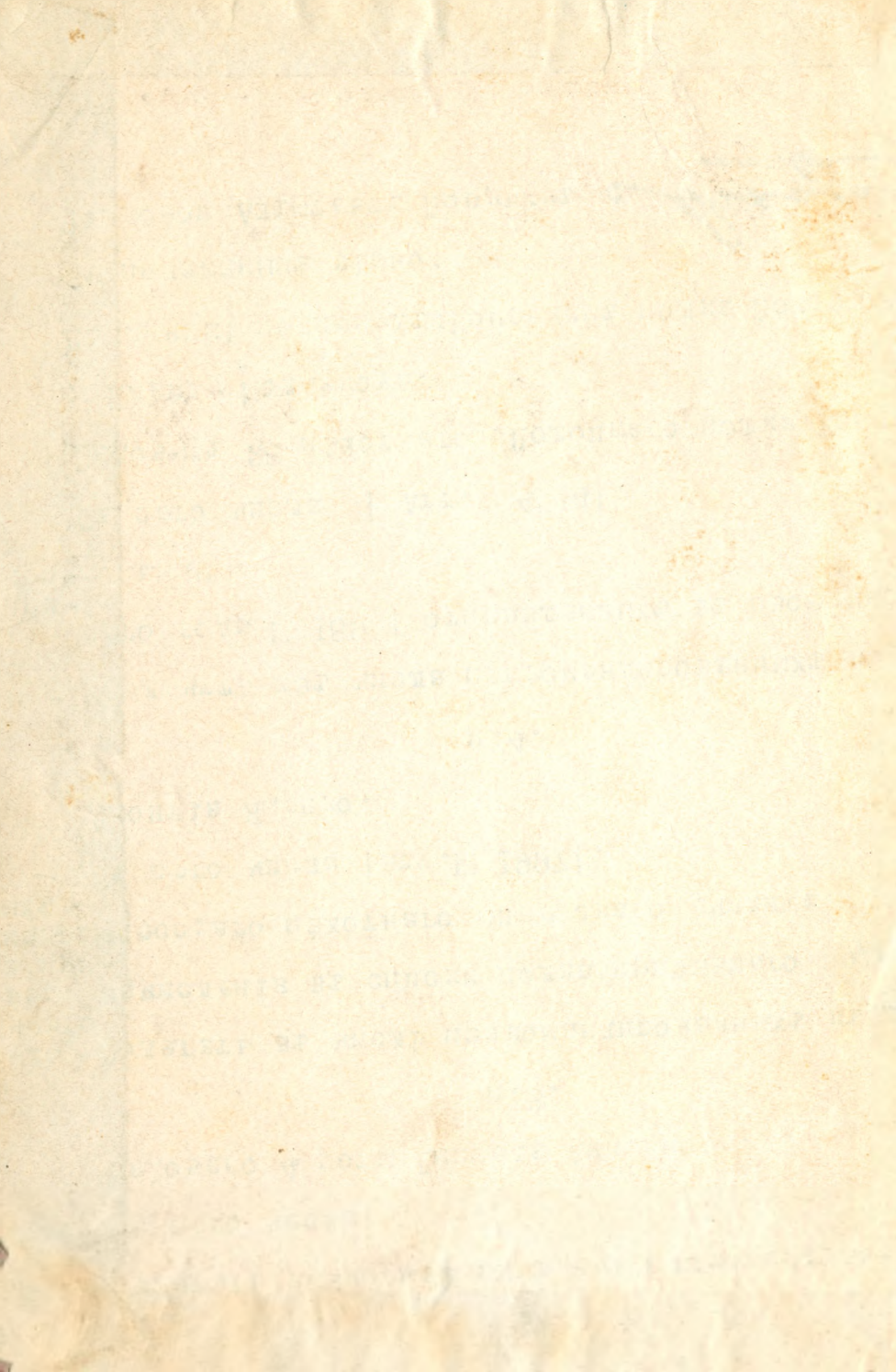

24th

71

~~Aug~~

24

РАЗСКАЗЫ

0

СУВОРОВЪ.

СОСТАВИЛЪ

В. Новаковскій.

Четвертая серія народныхъ изданій.

СЕДЬМОЕ ИЗДАНИЕ.

Цѣна 20 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія Высочайше утвержд. Товарищества „Общественная Польза“,
Б. Подъяческая, д. 39.

1897

РАЗОКЪ АВЪ

СЪВРОРЪ

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 23 Марта 1897 г.

123004

I.

ДѢТСТВО СУВОРОВА И СОЛДАТСКАЯ ЕГО СЛУЖБА.

1. Родъ Суворова, его потѣхи и нелюдимство.

Предокъ Александра Васильевича Суворова былъ родомъ изъ Швеціи, по происхожденію дворянинъ; переѣхалъ къ намъ въ Россію еще при царѣ Михаилѣ Теодоровичѣ и остался навсегда въ русской службѣ, принявъ присягу на подданство Россіи. Дѣти его внуки и правнуки постоянно отличались вѣрною и ревностною службою, чѣмъ обратили на себя вниманіе нашихъ Государей, которые удостоивали ихъ своими милостями, дарили ихъ помѣстьями, такъ что они въ новомъ своемъ отечествѣ сдѣлались людьми и знатными и богатыми. Василій Ивановичъ Суворовъ былъ крестникомъ Императора Петра Великаго, дослужился до чина полнаго генерала и имѣлъ нѣсколько деревень, изъ которыхъ въ одной, находящейся въ Новгородской губерніи, любилъ жить, когда бывалъ въ отставкѣ. Съ нимъ жилъ тогда здѣсь и сынъ его Александръ Васильевичъ, котораго въ дѣтствѣ обыкновенно называли Самею.

Саша былъ рѣзвый мальчикъ. Бѣгать, лазить по деревьямъ, купаться, ѣздить верхомъ—это была его страсть. Только за дверь,—и пошелъ гулять подпрыгивая: тамъ перескочить, тамъ перелѣзеть и очутится въ полѣ. Бродить, пока не устанетъ: то камешекъ подниметъ и разсматриваетъ его; то сорветъ цвѣтокъ и любитъ имъ; то смотритъ въ даль и задумывается. Передъ нимъ яма: если узкая, перескочить ее; если не глубокая, прыгнетъ туда, и безъ сомнѣнія перепачкается вдоволь, особенно на обратномъ пути оттуда. Предъ нимъ лѣсъ: онъ туда, и лазить по деревьямъ, не обращая вниманія

на то, что изъ одной полы нерѣдко выходили у него двѣ-три, когда какому-нибудь сучку приходилось подружиться съ его кафтанчикомъ. Вотъ стреноженная лошадь пасется въ полѣ: онъ подходитъ къ ней, гладить ее, поправляетъ гриву, ласкаетъ морду, развязываетъ ноги, обѣими руками вѣпляется въ гриву, взбирается на лошадь и мчится во весь опоръ, пока обое они не выбьются изъ силъ. Предъ нимъ ручеекъ: дай покупаться, и въ минуту онъ уже въ водѣ; часто купался онъ въ позднюю осень, когда начинались заморозки. Погоды не разбиралъ: вѣтеръ ли сильный, дождь ли большой, грязь ли много, а ужъ если затѣялъ прогулку, то непременно пойдетъ. Промокнетъ, бывало, хорошенько: запачкаетъ и башмаки, и чулки, и кафтанчикъ: и все было ему ни по чемъ. Точно готовилъ онъ себя для военныхъ походовъ.

— Что вы дѣлаете, Александръ Васильевичъ? съ досадою говорилъ ему дядька, когда онъ возвращался домой въ платьѣ изорванномъ и испачканномъ: не платья жаль, да васъ жаль. Ну, сохрани Богъ, такая-же царапина случилась бы у васъ на лицѣ, какъ у полы; сучокъ не разбираетъ, гдѣ пола и гдѣ глазъ. Да вѣрно вы еще гдѣ-нибудь грохнулись, что грязь такъ пристала къ кафтанчику. Долго ли повредить ногу, руку, отколотить бока, ушибить голову? Охъ, эти мнѣ ваши прогулки!

Въ подобныхъ случаяхъ Александръ Васильевичъ былъ чрезвычайно ласковъ къ своему дядькѣ. Чувствуя себя виноватымъ передъ нимъ, онъ ни слова не говорилъ, когда тотъ морщился и бранилъ его. Только брань кончилась, онъ давай просить у него прощенія.

— Голубчикъ мой, не сердись на меня!

— Можно ли на васъ не сердиться?

— Ну, посердись, да и перестань: вѣдь со мною не случилось ничего худаго.

— Такъ могло случиться.

— Ну, виновать, прости меня: я знаю, что ты меня любишь. И Саша бросался къ старику, обнималъ и цѣловалъ его.

— Охъ, Александръ Васильевичъ! Васъ бы не такъ нужно было бранить!

— Какъ хочешь, брани, только скажи, что ты меня прощаешь. Я буду спокоенъ, пока ты этого не скажешь.

— Ну, да Богъ съ вами! Только впередъ этого не дѣлайте.

Саша пристально глядѣлъ ему въ глаза, желая убѣдиться, про-

шли-ль у него досада и гнѣвъ. Съ какимъ нетерпѣніемъ онъ ждалъ, пока тотъ улыбнется или засмѣется. Саша прыгаль тогда отъ радости, потому-что это было самымъ вѣрнымъ знакомъ, что старикъ его прощаетъ. Не разъ приходилось ему долго выжидать, пока послѣдуетъ такой знакъ.

Странно было то, что Саша, такой смѣльчакъ, такой бойкій мальчикъ въ своихъ потѣхахъ, робѣль между тѣмъ гостей, и потому дичился ихъ. Какъ только онъ узнавалъ, что въ домѣ гости, имъ овладало какое-то тревожное чувство: онъ только и думалъ, какъ бы за нимъ не прислали, какъ бы ему спрятаться, и готовъ былъ бѣжать отъ гостей за тридевять земель.

— Александръ Васильевичъ! Пожалуйте одѣваться, сказалъ одинъ разъ дядька, войдя къ нему въ комнату съ платьемъ въ рукахъ.

— А что? зачѣмъ одѣваться? спросилъ Саша, только-что кончившій чтеніе одной книги. Не гости ли внизу?

— Такъ точно.

— Одѣваться мнѣ не нужно: черезъ минуту меня совсѣмъ не будетъ дома. А ты скажи, что искалъ меня, и не могъ найти.

— Да ужъ сказано, что вы у себя, и Василій Ивановичъ приказалъ вамъ поскорѣе сойти внизъ.

— Ахъ, какая досада! Зачѣмъ ты говорилъ, что я дома?

— Да они, кажись, васъ видѣли въ окно.

— Ну, нечего дѣлать. Впередъ во всѣ глаза буду глядѣть въ окно. Прозѣваль. Давай одѣваться. А что за скука тамъ будетъ?

И широкій будничный кафтанчикъ былъ смѣненъ красивымъ, суконымъ кафтаномъ французскаго покроя, съ свѣтлыми серебряными пуговицами.

— Какъ хорошо! говорилъ дядька. Ну, сдѣлайтесь же теперь повеселѣе, да будьте тамъ поразговорчивѣе.

— Буду, буду, отвѣчалъ Саша, бывшій совсѣмъ не въ духѣ.

— Войдите смѣло и шаркнете хорошенько ножкой.

— Войду и шаркну.

Сойдя съ лѣстницы, Саша остановился и задумался: идти или не идти? какъ войти? кто тамъ?

— Что тутъ думать? громко произнесъ дядька: идите! Смѣлымъ Богъ владѣть!

Саша отворилъ немного дверь и съ робостію посмотрѣлъ въ залъ: никого не было. На цыпочкахъ подошелъ потомъ къ двери гости-

ной, и — какъ взглянулъ, такъ опрометью и побѣжалъ назадъ, про-
износя довольно внятно:

— У-у! много народу! много народу!

— Куда вы, Александръ Васильевичъ?.. погодите... Александръ
Васильевичъ!.. кричалъ дядька, погнавшійся за своимъ барчукомъ.

Саша побѣжалъ въ лѣсъ, а оттуда въ поле. Старикъ слѣдовалъ
за нимъ, и уже сталъ запыхаться; махнулъ рукой и ушелъ домой.
Отцу рассказано было все, какъ случилось. Василій Ивановичъ по-
качалъ только головою, хорошо зная такое поведеніе сына. За это-то
Сашу называли *нелюдимомъ*.

2. Занятія наукою.

Саша какъ рѣзвился отлично, такъ и учился отлично. Не нужно
было заставлять его учиться: онъ учился по доброй волѣ. Рѣдкое
онъ былъ дитя, не требовавшее ни побужденій и поощреній къ уче-
нію, ни похвалъ или порицаній, ни угрозъ и наказаній, какъ это
необходимо бываетъ для другихъ дѣтей! Тогда не было у насъ ни
училищъ, ни учителей; ни наукъ такихъ, какъ теперь есть: и Саша
самъ учился уму-разуму черезъ чтеніе книгъ, какія были въ его
библіотекѣ и въ библіотекѣ его отца; а домашній учитель сообщилъ
ему только начальныя свѣдѣнія, да выучилъ его французскому и нѣ-
мецкому языкамъ. Саша читалъ книги преимущественно такія, въ ко-
торыхъ описывались герои, походы, битвы, или рѣчь шла о крѣпостяхъ,
пушкахъ и т. п. Онъ разложитъ, бывало, на полу географическія карты,
возьметъ въ руки книгу, ложится на карты, читаетъ въ книгѣ опи-
саніе какой-нибудь войны, въ то-же время слѣдитъ по картѣ за
движеніемъ войскъ, потомъ беретъ бумагу и карандашъ и самъ чер-
титъ планы сраженій. Въ это время разражайся надъ нимъ громъ —
не услышитъ; кто ни приходи къ нему — не замѣтитъ. Одинъ разъ
въ шутку унесли при немъ все, чтò было у него на столѣ; и онъ
тогда только замѣтилъ, когда пересталъ заниматься.

— Ай-да Саша! какой молодецъ! сказалъ одинъ артиллеристъ,
бывшій въ гостяхъ у Василя Ивановича. Не видывалъ я еще та-
кого мальчика. Онъ такъ дѣлаетъ свое дѣло, что и взрослому
было бы подѣ стать. Я вошелъ къ нему въ комнату довольно шумно,
хлопнулъ дверью такъ, что и сонный могъ бы пробудиться; а Саша
какъ будто не слыхалъ: лежитъ себѣ на полу, да читаетъ книгу. Я

подошелъ къ нему ближе, сталъ чуть не передъ самыми его глазами — не замѣчаетъ. Ну, вниманіе, такъ вниманіе! Съ такимъ вниманіемъ онъ просто завоеуетъ всѣ науки. Чтѣ и пьявица, которая сосетъ крови: онъ шибче ея всасываетъ мысли изъ книги.

— Безподобно! разцѣловать бы Сашу, если бы онъ былъ здѣсь, произнесъ другой офицеръ.

— Сейчасъ позову, сказалъ дядька, слышавшій разговоръ гостей и дорожившій каждымъ добрымъ словомъ о своемъ питомцѣ, и побѣжалъ наверхъ.

— Александръ Васильевичъ! Скорѣй внизъ: васъ тамъ разцѣлуютъ, говорилъ дядька, вбѣжавшій къ нему въ комнату, и сталъ готовить одѣваться.

Саша молчалъ, будто ничего не слышалъ.

— Александръ Васильевичъ! платье готово, скорѣй одѣваться, продолжалъ старикъ, стоя у самой географической карты: да чуръ не уходить: стану у дверей, запру всѣ двери, прибавилъ онъ, забывъ, что побѣга никогда не случалось, когда барчукъ его былъ очень занятъ.

Отвѣта не было. Саша и не взглянулъ на него, продолжая читать да чертить.

— Что сдѣлаешь съ нимъ? думалъ старикъ: кругомъ обложилъ себя картами, книгами да листами бумаги, такъ-что и подойти къ нему неоткуда.

Онъ нагнулся, чтобы дотронуться до его плеча, а въ это время платье изъ рукъ упало на географическую карту.

— Что тебѣ надо? спросилъ наконецъ Саша. Видишь, что занятъ. Сколько разъ говорилъ я тебѣ, чтобъ ты мнѣ не мѣшалъ, когда я занимаюсь!

— Да нельзя; нужно сойти внизъ: тамъ васъ разцѣлуютъ.

— Ступай ты за меня; пусть тебя разцѣлуютъ. Оставь меня въ покоѣ. Перебилъ на самомъ занимательномъ мѣстѣ. Я шелъ съ войскомъ изъ одного города въ другой, а онъ и завалилъ ихъ своимъ платьемъ.

— Да отъ васъ иначе не добился бы слова.

— Убирайся отсюда; пока не кончу, не пойду.

И дядька долженъ былъ объявить гостю, что Александръ Васильевичъ очень занятъ и ни на минуту не можетъ разстаться съ своими книгами.

За то на двѣнадцатомъ году Саша зналъ гораздо болѣе многихъ пожилыхъ людей тогдашняго времени. Пріѣзжавшіе къ Василю Ивановичу, его друзья и знакомые часто разговаривали съ Сашею и удивлялись, какъ онъ много помнилъ изъ читаннаго имъ, какъ хорошо все понималъ, какъ умно рассказывалъ, какъ дѣльно соображалъ и отвѣчалъ на дѣлаемые ему вопросы.

3. Желаніе военной службы.

Слѣдя за всѣми поступками и занятіями сына, Василій Ивановичъ видѣлъ, что Сашу преимущественно занимаетъ военное дѣло: и гулянья его походили на военныя упражненія, и въ книгахъ онъ любовался преимущественно военными дѣйствіями, походами, сраженіями, геройскими подвигами полководцевъ. Когда отецъ дѣялъ ему выговоры за его шалости, Саша отвѣчалъ: «солдатъ долженъ привыкать ко всему»—и онъ называлъ себя солдатомъ еще на седьмомъ году отъ роду.

Это сильно беспокоило Василя Ивановича, который назначалъ своего сына для гражданской службы, о чемъ и ему не разъ было говорено. По его мнѣнію, Саша былъ слабаго тѣлосложенія, и не годился для военной службы, болѣе трудной, чѣмъ гражданская. Кромѣ-того, Саша былъ у него единственный сынъ, и онъ берегъ его, какъ зѣницу ока, делѣя ту мысль, что съ нимъ можетъ продолжиться его славный родъ, его честное имя, и опасаясь, чтобы съ нимъ-же не пресѣлся его родъ.

Разсчитавши такъ, Василій Ивановичъ и не записывалъ сына въ военную службу. По закону Петра Великаго, каждый дворянинъ обязанъ былъ вступать въ эту службу и начинать ее съ самыхъ низшихъ чиновъ, т. е. съ солдата. Бывало такъ, что дѣти дворянъ, при самомъ рожденіи, записываемы были въ тотъ или другой гвардейскій полкъ и получали офицерскіе чины очень рано, такъ-что въ солдатскомъ званіи имъ не приходилось быть на дѣйствительной службѣ. Тоже могло бы случиться и съ Сашею, которому было уже 12 лѣтъ, если бы отецъ записалъ его въ какой-нибудь полкъ, при самомъ его рожденіи; но Василій Ивановичъ этого не сдѣлалъ.

Между-тѣмъ, Саша былъ непреклоненъ въ своемъ желаніи: онъ неотступно, почти со слезами просилъ, умолялъ отца объ опредѣленіи его въ полкъ. Отецъ также былъ непреклоненъ въ своемъ намѣ-

реніи: во что бы то ни стало, хотѣлъ опредѣлить его въ гражданскую службу. Въ этомъ дѣлѣ принялъ посредничество генераль Ганнибалъ, другъ и товарищъ по службѣ Василя Ивановича. Онъ долго разговаривалъ съ Сашею, чтобъ покороче узнать его; заходилъ къ нему въ комнату, чтобъ видѣть, чѣмъ онъ занимается, и увидя, что предметы его занятій все военные, спросилъ:

— Не потому ли военною службою ты и бредишь, что съ нею отчасти уже знакомъ, а о гражданской и понятія не имѣешь?

— Да гоужь ли я въ гражданскую службу? Нужно ли тамъ умѣть бѣгать, перепрыгивать рвы, вплавь переходить рѣки, вихремъ мчаться на конѣ, бороться съ холодомъ, бывать на дождѣ и слякоти? А къ этому я способенъ. Это для меня забава.

— Ну, пойду къ твоему отцу, буду уговаривать его, даже упрашивать, чтобъ сдѣлалъ по-твоему.

Саша не зналъ, какъ благодарить своего заступника, и только цѣловалъ у него руки. Когда вошелъ дядька, онъ бросился къ нему на шею и говорилъ:

— Давай скорѣй одѣваться.

— Что сегодня за праздникъ? спросилъ старикъ: откуда такая радость?

— Праздникъ, пирушка вотъ здѣсь, говорилъ Саша, указывая на сердце: скоро узнаешь, что за радость.

— Пустите же! зачѣмъ повисли на шеѣ? Пойду за платьемъ.

— Голубчикъ мой! Какъ мнѣ весело: намель заступника! Дай разцѣлуй тебя. Ахъ, если бы такъ сдѣлалось, какъ я думаю въ эту минуту!

— Да не держите меня: и въ правду, можетъ быть, вамъ нужно скорѣе сойти внизъ.

— Ганнибалъ пошелъ просить папеньку, чтобъ позволилъ мнѣ поступить въ военную службу. Вотъ будетъ раздолье, когда поступлю! Попадись непріятель въ мои руки, я его прижму такъ, что не пикнетъ.

Въ это время, онъ такъ крѣпко сжалъ шею у дядьки, что тотъ едва выговорилъ:

— Дайте духъ перевести, я не непріятель.

Потомъ, поднявъ будущаго своего героя вверхъ, высвободилъ такимъ образомъ свою голову изъ его рукъ, и побѣжалъ за платьемъ. Черезъ нѣсколько минутъ воротился. Саша сталъ одѣваться.

— Стойте смирно, сказалъ дядька тому-же герою, которому не стоялось на мѣстѣ.

— Скоро буду такимъ-же солдатомъ, какъ и ты. Бываль ли ты въ какихъ-нибудь сраженіяхъ?

Въ это время онъ обернулся къ дядькѣ, и спинкою къ груди надѣлъ кафтанчикъ.

— Вотъ вамъ и сраженіе! Какъ вы надѣли кафтанъ?

Саша съ распростертыми руками бѣгалъ по комнатѣ, бросался къ дядькѣ, обнималъ его.

— Изомнете кафтанъ. Какъ явитесь внизъ?

— Молодцомъ явлюсь; шаркну такъ, что чудо. Знай нашихъ!

И онъ сталъ показывать дядькѣ, какъ явится внизъ. Потомъ, взявши его за полу, сталъ бѣгать по комнатѣ. Волек-неволею бѣгалъ за нимъ и дядька.

— Ухъ, усталъ! произнесъ онъ потомъ: потъ такъ и льетъ градомъ. Вижу, Александръ Васильевичъ, что не даромъ хочется вамъ въ военную службу. Да не пора ли сойти внизъ?

Въ это время Василій Ивановичъ велѣлъ позвать Сашу. Саша явился.

— У насъ было разсужденіе о тебѣ и о военной службѣ, которую ты мнѣ такъ часто наскучалъ. Я согласенъ. Не передумалъ ли ты и согласенъ ли начать службу съ солдата?

— Передумывать я не умѣю, и не только согласенъ, я долженъ начать съ солдата, потому-что хочу быть фельдмаршаломъ.

— Bravo! воскликнулъ Ганвибалъ. И Петръ Великій говаривалъ: «Худой тотъ солдатъ, который не надѣется быть генераломъ».

— Да, и величайшій изъ государей, Петръ Великій, также началъ съ солдата, прибавилъ Саша.

— Подойди же ко мнѣ, Саша! сказалъ отецъ.

Саша подошелъ къ нему и сталъ на колѣни. Возведя очи къ небу, Василій Ивановичъ благословилъ своего сына на военные подвиги.

На другой день Саша отправился въ церковь: благодарилъ Бога, что исполнилось его желаніе, и молилъ Его о помощи на избранномъ имъ поприщѣ. Саша постоянно посѣщалъ храмъ Божій: тамъ пѣлъ вмѣстѣ съ дьячкомъ на клиросѣ, и читалъ, чѣмъ положено было по церковному уставу. Изучилъ самый этотъ уставъ и порядокъ божественной службы такъ, что зналъ, чѣмъ послѣ чего слѣдовало пѣть

и читать. Василій Ивановичъ какъ самъ былъ благочестивъ, такъ то-же благочестіе внушил и своему сыну.

Черезъ нѣсколько времени они отправились въ Петербургъ, и Александръ Васильевичъ былъ записанъ рядовымъ въ гвардейскій Семеновскій полкъ.

4. Суворовъ—солдаты.

Кто изъ дворянъ записывался въ солдаты, тотъ до полученія офицерскаго чина обыкновенно считался только по спискамъ. Суворовъ состоялъ на лицо въ дѣйствительной службѣ, и выполнялъ все ея требованія: бывалъ на фронтовомъ ученіи, содержалъ караулы.

Разъ онъ стоялъ на часахъ въ Монплезирѣ въ Петергофѣ. Въ то время по саду прогуливалась Императрица Елисавета Петровна. Часовой ловко отдалъ ей честь.

— Какъ тебя зовутъ? спросила Государыня.

— Александромъ Суворовымъ, Ваше Императорское Величество! отвѣчалъ часовой.

— Не родственникъ ли ты генерала Суворова?

— Я сынъ его, Ваше Императорское Величество!

— Поздравляю тебя съ такимъ отцомъ. Старайся и ты служить мнѣ такъ-же вѣрно и усердно, какъ онъ. Я не забуду тебя.

— Радъ стараться, Ваше Императорское Величество!

— Вотъ тебѣ отъ меня рубль серебромъ!

— Всемиловѣйшая Государыня! Законъ запрещаетъ солдату, стоящему на часахъ, принимать деньги.

— Молодецъ! сказала Императрица улыбувшись! ты, вижу, знаешь службу, и, потрепавъ его по щекѣ, и давъ ему поцѣловать свою руку, прибавила: я положу деньги на землю, возьми, когда смѣнишься.

Смѣнившись, Суворовъ поднялъ монету, поцѣловалъ ее и хранилъ, какъ драгоценный знакъ милостиваго вниманія Государыни. Онъ всегда гордился этимъ подаркомъ, какъ полученнымъ имъ за то, что былъ лихой солдатъ; и всегда говорилъ, что никакая награда такъ не радовала его, какъ эта первая награда.

Были примѣры, что солдаты изъ дворянъ нанимали за себя на службу другихъ солдатъ или унтеръ-офицеровъ, особенно въ дурную погоду или въ морозъ. Съ Суворовымъ этого никогда не случалось: чего требовала служба, то онъ строго самъ выполнялъ, самъ

даже чистилъ свое ружье и аммуницію. Живя на вольной квартирѣ, онъ постоянно посѣщалъ казармы: тамъ хотѣлъ изучить солдатъ, ихъ характеръ, ихъ бытъ, ихъ нужды. И изучилъ все это превосходно, разгадалъ русскаго солдата, потому-то ему и хотѣлось самому испытать солдатскій бытъ. Онъ превосходно также изучилъ солдатскій языкъ, умѣлъ говорить ихъ особеннымъ нарѣчіемъ такъ хорошо, какъ никто бы не заговорилъ. За то скажетъ, бывало, нѣсколько словъ, такъ и вспыхнетъ солдатское сердце.

Солдатъ любилъ онъ какъ братьевъ, и болѣе бѣднымъ раздавалъ оставшіяся у него деньги. Когда, въ знакъ признательности, они искали случая, чтобы сдѣлать ему что-нибудь угодное, онъ принималъ отъ нихъ одно: чтобы поучились фронту подъ его командою. Это было для него величайшимъ наслажденіемъ.

Суворовъ жилъ на вольной квартирѣ, чтобъ удобнѣе ему было заниматься науками. Его комната пріятно поражала всякаго входившаго къ нему: въ ней жилъ солдатъ, а она была точно кабинетъ ученаго. Если въ деревнѣ у него было много книгъ, географическихъ картъ и плановъ сраженій, то теперь все это удвоилось, утроилось: онъ не щадилъ денегъ на покупку книгъ. Съ увеличеніемъ библиотеки, больше было чего и читать; а больше читалось, больше и въ головѣ оставалось. Чтобы изучить военныя науки, онъ посѣщалъ классы Шляхетнаго Сухопутнаго кадетскаго корпуса (гдѣ нынѣ Павловское военное училище), основаннаго въ 1772 году; другія науки изучались дома, для чего приходили къ нему учителя. Онъ до того преданъ былъ наукамъ и дорожилъ временемъ, что рѣдко посѣщалъ своихъ родныхъ. Когда спрашивали его о причинѣ такой странности, онъ отвѣчалъ: «мнѣ нечему у нихъ научиться, а время дорого». Часто говаривалъ онъ: «помни, что у худаго пахаря хлѣбъ худо родится; а за ученаго двухъ неученыхъ дають». Письма его къ отцу всегда отличались необыкновенной краткостію какъ потому, что онъ неспособенъ былъ къ разглагольствованію, такъ и потому, что слишкомъ дорожилъ временемъ. Для примѣра вотъ одно изъ нихъ:

Любезный батюшка!
Я здоровъ, служу и учусь.
Александръ Суворовъ.

Суворовъ прошелъ всѣ степени солдатскаго званія—былъ сначала рядовымъ, потомъ капраломъ или унтеръ-офицеромъ, потомъ

сержантомъ или фельдфебелемъ. Прощель ихъ примѣрнымъ образомъ, какъ проходитъ рѣдкій солдатъ. «Научись повиноваться прежде, нежели будешь повелѣвать другими; будь добрымъ солдатомъ, если хочешь быть хорошимъ фельдмаршаломъ», говаривалъ онъ, и слова оправдывалъ на дѣлѣ. Не смотря на то, прошло слишкомъ 12 лѣтъ, пока онъ получилъ первый офицерскій чинъ. Между сверстниками его лѣтъ, Румянцевъ на 22 году былъ уже генералъ-майоромъ. Терпѣніе его вознаградилось впоследствии: какъ не скоро достался ему первый чинъ, такъ быстро пошли слѣдующіе за нимъ. И Суворовъ обыкновенно говаривалъ: «ве прыгалъ я съ-молоду, за то теперь прыгаю».

П.

ПОДВИГИ И СВОЙСТВА СУВОРОВА.

1. Суворовъ въ Пруссіи.

Въ первый разъ Суворовъ выказалъ себя въ семилѣтнюю войну. Это была война между Австрією и Пруссією, въ которой съ другими державами приняла участіе и Россія, дѣйствуя за одно съ Австрією противъ Пруссіи. Суворовъ былъ уже тогда подполковникомъ.

Его назначили въ легкіе отряды, которыхъ обязанность состояла въ томъ, чтобъ слѣдить за непріятелемъ, тревожить его, въ добрый часъ нападать на него и т. п. Недолго знакомился новый начальникъ съ своими подчиненными; офицеры и солдаты также скоро поняли его. «Господа!» говорилъ онъ своимъ офицерамъ: «помните, что весь успѣхъ въ войнѣ составляютъ *глазomъръ, быстрота и натискъ*». А солдатамъ говорилъ: «Ребята! для русскаго солдата нѣтъ середины между побѣдою и смертію. Коли сказано: впередъ! такъ я не зваю, чтѣ такое ретирада, усталость, голодъ и холодъ».

Вотъ понадобилось безпокоить прусскій лагерь, въ которомъ находился самъ король Фридрихъ Великій. Подполковникъ Суворовъ, съ своимъ отрядомъ безпрерывно подѣзжалъ къ лагерю и тревожилъ его. Одинъ разъ съ 60-ю казаками онъ прискакалъ къ лагерю и схватилъ прусскій пикетъ. За нимъ былъ посланъ отрядъ

гусаръ. Недолго думая, онъ обернулся и, скомандовавъ своимъ, «стройся!» сразился съ этимъ отрядомъ и отбилъ его. Этого недовольно было для удалца. «Маршь, маршь! за непріятелемъ!» крикнулъ онъ и поскакалъ назадъ за прусскими гусарами. Тѣ припирили лошадей: и у него дѣло не стало за этимъ. Отважный прогесся за ними до самыхъ непріятельскихъ окоповъ, такъ-что могъ разсмотрѣть палатки королевской квартиры.

Въ Познани находились русскіе запасные магазины. Фридрихъ послалъ туда генерала Платена, чтобы истребить наши запасы. Русскіе скоро узнали объ этомъ. Кто догнать и обгонять непріятельское войско? кто разстроить планъ непріятеля? посланъ былъ подполковникъ Суворовъ. Не шелъ, а летѣлъ онъ съ своимъ отрядомъ; только брызги взвивались на воздухъ, потому-что было осеннее время, и дороги были грязныя. Суворовъ догналъ и опередилъ непріятеля, сталъ и заслонилъ ему дорогу. Платенъ увидѣлъ, что даромъ нельзя было добраться до русскихъ магазиновъ, и отъ Познани повернулъ къ Кольбергу.

Кольбергъ осажденъ былъ русскими войсками. Платенъ имѣлъ приказаніе отъ короля—тревожить осадный русскій корпусъ. Суворовъ поскакалъ за нимъ съ сотнею казаковъ, чтобы затруднять его походы. Для лихаго наѣздника 40 верстъ проѣхать въ одну ночь ничего не значило. Онъ былъ уже впереди непріятеля. Передъ нимъ рѣка—моста нѣтъ. «Впередъ!» крикнулъ онъ и самъ первый поскакалъ въ воду; казаки за нимъ, и вплавъ переправились чрезъ рѣку. Предъ ними городъ Ландсбергъ.

— Городъ нашъ! Ура! Нападемъ! сказалъ онъ.

— Въ городѣ прусскіе гусары, возразили ему.

— Помилуй Богъ, какъ это хорошо: ихъ-то мы и ищемъ.

— Не прикажете ли узнать, сколько ихъ?

— Зачѣмъ? Мы пришли бить, а не считать.

Построивъ свой отрядъ и крикнувъ: «маршь, маршь!» полетѣлъ онъ на городъ. Городскія ворота были заперты. «Ломи ихъ!» закричалъ Суворовъ. Ударили бревномъ, и ворота разлетѣлись. Съ крикомъ и пальбою вошли казаки въ городъ. Прусскіе гусары не вѣрили своимъ глазамъ; такое неожиданное нападеніе ошеломило ихъ, сбilo ихъ съ толпу: они сдались, хотя были внятеро сильнѣе насъ. Суворовъ поскакалъ къ мосту, чрезъ который нужно было переходить Платену. «Одно ломи, другое жги!» сказалъ онъ казакамъ, и моста

какъ небывало. Наведя страхъ на Пруссаковъ, затруднивъ переправу чрезъ рѣку, онъ ускакалъ изъ города. Узнавъ, что Платенъ недалеко, осторожный наѣздникъ скрылся. Силы у нихъ были очень и очень неравныя: у одного горсть казаковъ, а у другаго 10,000 войска. Онъ пошелъ за нимъ сзади. Вотъ встрѣчается ему отрядъ прусскихъ гусаръ, отдѣлившись отъ арміи. Съ нимъ можно было поспорить: онъ напалъ на него и взялъ въ плѣнъ.

Такая удаля повторялась нерѣдко, и суворовскія встрѣчи не обходились даромъ непріятелю. Но иногда и самому ему приходилось бывать въ опасномъ положеніи. — Разъ, преслѣдуя непріятеля, онъ увязъ съ лошадыю въ болотѣ. Какъ ни старался удалецъ выбраться оттуда, не могъ. Къ счастью, подоспѣли казаки и вытащили его изъ болота. — Другой разъ, врасплохъ напавъ на непріятельскій отрядъ и разбивъ его, онъ самъ былъ окруженъ непріятелемъ, невидимо откуда взявшимся. «Попались въ западню», говорилъ онъ своимъ: «но мы не такія птички, чтобъ изъ нея не вылетѣли». Въ самомъ дѣлѣ, и въ этомъ отчаянномъ положеніи, когда онъ уже былъ въ рукахъ непріятеля, не покинуло его, свойственное ему, присутствіе духа. Онъ рѣшился въ душѣ: или оружіемъ прочистить себѣ путь, или умереть со славою. «Ребята, не унывай, а дѣлай то, что я буду дѣлать!» сказалъ онъ своему отряду. Между-тѣмъ, Пруссаки, въ полной надеждѣ, что Суворовъ—ихъ плѣнникъ, послали къ нему съ предложеніемъ, что бы онъ сдался. «Я этого слова вовсе не понимаю, отвѣчалъ Суворовъ и скомандовалъ своимъ: «Впередъ за мной! ура!» Завязался упорной бой. Къ счастью, на помощь ему поспѣли Русскіе. Въ жестокой схваткѣ Пруссаки были разбиты и потеряли до тысячи человекъ. — Еще разъ онъ заблудился въ лѣсу съ двумя казаками: проводникъ, указывавшій имъ дорогу, вдругъ пропалъ. Ночь была темная; громъ раскатывалъ по лѣсу, страшно сверкала молнія, дождь лилъ какъ изъ ведра. Неловко, очень неловко было наѣздникамъ въ такую непогоду; но не объ этомъ они думали. Вотъ-вотъ нагрянетъ непріятель и заберетъ всѣхъ въ полонъ: вотъ чтѣ изъ занимало! При этой мысли дрожь пробѣгала по тѣлу и волосы становились дыбомъ, особенно у казаковъ. Какъ было имъ выбраться изъ этого темнаго густаго лѣса? Лошади то идѣло постукивали лбами то въ то, то въ другое дерево.

— Пропадемъ мы здѣсь, заговорили казаки.

— Какъ бы нетакъ? возразилъ Суворовъ, пропадемъ—за что?

- Да куда же намъ ѣхать?
- Куда глаза глядятъ.
- Темнеть такая, ни зги не видно!
- Слѣдуй за мною.

А самъ, перекрестясь, ѣхаль на-удалую. Всю ночь пришлось имъ рыскать по лѣсу. Стало свѣтать. Послѣ грозы небо прояснилось.

— Ваше высокоблагородіе! радостно вскрикнулъ одинъ казакъ: вопъ-вонъ лагерь видно! Слава Тебѣ, Господи!

— Лагерь, да не нашъ, возразилъ Суворовъ, всмотрѣвшись хорошенько.

Казакъ вздрогнулъ.

— Не робѣй, ребята! Помилуй Богъ, какъ это хорошо!

Говоря эти слова, онъ слѣзъ съ лошади и отдалъ ее казакамъ. Тѣ вытаращили на него глаза и въ изумленіи думали: «скорѣй бы уходить отсюда—непріятель на носу, а онъ остается здѣсь, да еще пѣшій».

— Вотъ вамъ моя лошадь, сказалъ Суворовъ; засядьте куда-нибудь въ чашу, между густыхъ кустарниковъ, чтобъ васъ нельзя было замѣтить.

— А вы куда, ваше высокоблагородіе?

— Какъ куда? Да вонъ туда!...

И онъ побѣжалъ впередъ, по направленію къ непріятельскому лагерю.

— Не понятно уму, чего хочется этому подполковнику! прѣбормотали между собою казаки.

Имъ было страшно, но въ то-же время и чрезвычайно любопытно слѣдить за тѣмъ, чѣмъ будетъ дѣлать ихъ начальникъ. Они пошли назадъ, но постоянно оглядывались, не выпуская его изъ глазъ. И что же?—Увидѣли, что Суворовъ, то нагнувшись пробирался между кустарниковъ, то прилегши къ землѣ, просто ползъ, то, наконецъ, приползши къ высокому дереву, вскарабкался наверхъ. «Вишь куда забрался нашъ удалецъ!» произнесъ одинъ изъ нихъ.—Всмотрѣтъ вѣрно захотѣлъ непріятеля. Какой онъ безстрашный!.. Они ахнули бы, если бы могли видѣть, что онъ былъ только на ружейный выстрѣлъ отъ прусскихъ часовыхъ. Между-тѣмъ Суворовъ, сидя на деревѣ, окинулъ своимъ проницательнымъ взглядомъ непріятельскій лагерь, высмотрѣлъ мѣстоположеніе, вычислилъ силы непріятеля, и, вынувъ изъ кармана каравдашъ и бумагу, записалъ все

это. Потомъ слѣзъ съ дерева и, по-прежнему пробравшись между кустарниковъ, возвратился къ казакамъ.

— Ну, ваше высокоблагородіе, подивились мы, глядя на васъ: сами вы напрашиваетесь на бѣду.

— Смѣлымъ Богъ владѣеть, отвѣчалъ Суворовъ.

Разсчитавъ по направленію пушекъ, гдѣ долженъ былъ находиться русскій лагерь, онъ поскакалъ туда.

Въ это самое время Русскіе сдѣлали нападеніе на Пруссаковъ. Еще издали Суворовъ увидѣлъ, что идетъ драка. Подъѣзжая ближе, онъ замѣтилъ, что нашихъ смяли, что наши бѣгутъ съ поля сраженія. «Стой, стой! Куда вы? Я здѣсь!» закричалъ онъ бѣжавшимъ. Тѣ остановились, узнавъ знакомаго имъ удалца. «Стройтесь!» командовалъ онъ. Построились. Все пришло въ отличный порядокъ. «Впередъ, за мной!» сказалъ онъ. Масса дрогнула. Суворовъ полетѣлъ, солдаты за нимъ. Ихъ встрѣтили картечнымъ огнемъ. Подъ градомъ пуль наши врубались въ прусскую конницу. Пруссаки не успѣли опомниться: давно ли бѣжали отъ нихъ Русскіе? И тѣ-же Русскіе вдругъ такъ неожиданно дѣлаютъ на нихъ нападеніе, да еще такое жестокое. Храбрость Суворова увѣнчалась успѣхомъ: Пруссаки должны были сдаться; побѣда перешла на сторону Русскихъ.

И все сходило съ рукъ Суворову, въ какихъ опасныхъ положеніяхъ онъ ни бывалъ. Но близъ одного города пуля убила подъ нимъ лошадь. Герой вскочилъ, сталъ передъ фронтомъ и командовалъ: «бѣгомъ!» побѣжалъ къ городу. Тутъ налетѣла на него другая пуля и ранила уже его самого: попала ему въ ногу. Лекаря не было. Герой присѣлъ на колѣно, взялъ нѣсколько простаго солдатскаго вина, примочилъ имъ неопасную рану и перевязалъ ее. Генералы уговаривали его ѣхать въ главную квартиру и вылечиться. «На конѣ лучше, чѣмъ въ госпиталѣ!» отвѣчалъ онъ и остался при своемъ отрядѣ.

Геройскія дѣйствія Суворова громкою молвою пронеслись по всей арміи вмѣстѣ съ именемъ самого героя. О подполковникѣ Суворовѣ заговорили вдругъ все. Въ арміи не было человѣка, который бы не зналъ его, тогда какъ большая часть солдатъ не знали даже многихъ старыхъ своихъ генераловъ. Какъ отличный офицеръ, котораго хотѣли наградить, онъ посланъ былъ въ 1762 году съ донесеніемъ Императрицѣ Екатеринѣ II о выступленіи русскихъ войскъ изъ Пруссіи. Императрица пожаловала ему чинъ полковника.

2. Суворовъ въ новой Ладогѣ.

Сыздальскій пѣхотный полкъ, котораго онъ назначенъ былъ командиромъ, стоялъ на квартирахъ въ Новой-Ладогѣ. Тутъ Суворовъ показалъ себя не только какъ отличный командиръ полка, какими бывають многіе, но именно такъ, какъ могъ показать себя одинъ только Суворовъ.

Въ полку его постоянно соблюдался слѣдующій порядокъ: при поступленіи новичка на службу, ротный командиръ обыкновенно спрашивалъ его: «знаешь ли ты молитву Господу Богу: *Царю Небесный, Святый Боже, Пресвятая Троице, Отче нашъ и Вѣрую во Единого Бога? Былъ ли ты у исповѣди и св. причастія?*» Если оказывалось, что новичокъ не зналъ какой-нибудь изъ этихъ молитвъ, то его тотчасъ учили. Въ то-же время передавали ему наставленія въ родѣ слѣдующихъ: «Будь благочестивъ, уповай на Бога, молись Ему усердно да имѣй надежду на Государыню, Матушку-Царицу. Люби Бога всею душою; Онъ сотворилъ насъ, и все добро отъ Него. Чти и люби сердечно Матушку-Государыню, она у насъ на землѣ по Богѣ первая владычица».

Желая, чтобы солдаты его были воинами-христіанами истинно вѣрными подданными своихъ Государей, Суворовъ въ то-же время хотѣлъ сдѣлать изъ нихъ воиновъ-героевъ, и обратилъ особенное вниманіе на обученіе ихъ военному дѣлу. Какъ цѣнилъ онъ ученыхъ и какъ отличалъ ихъ отъ неученыхъ! «Намъ за ученаго даютъ трехъ неученыхъ», говаривалъ онъ: «намъ мало трехъ—давай пять, десять. Имъ придуманъ былъ цѣлый рядъ наставленій, извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ *катихизиса*, которому учили солдатъ. Вотъ нѣсколько отрывковъ изъ суворовскаго катихизиса.

«Непріятель не ждетъ, поетъ и веселится; а ты изъ-за горъ высокихъ, изъ-за мховъ дремучихъ, чрезъ топи и болота пади на него, какъ сныгъ на голову. Ура! бей! коли! руби! непріятель въ половину побѣжденъ; не давай ему опомниться. Гони, доканчивай. Побѣда наша! У страха глаза велики». Такъ училъ Суворовъ нападать на непріятеля. Какой непріятель могъ устоять противъ такой жгучей тактики, и что за люди должны были быть солдаты Суворова! Но въ случаѣ покорности непріятеля этимъ орламъ велѣно было щадить свою добычу: *«Просящего по-*

щады помилуй. Онъ такой-же человекъ; лежакаго не бьютъ». И вотъ только-что дравшіеся не на жизнь, а на смерть, существа, страшныя, неукротимыя, вдругъ дѣлаются смиренными, добрыми, по мысли своего добрѣйшаго командира. Онъ не разъ говорилъ: *«Жителя не обижай: онъ насъ поитъ и кормитъ. Солдатъ не разбойникъ»*. Какъ часто бываетъ, что въ непріятельской странѣ вооруженные нападаютъ на безоружныхъ и предаются грабежу! Суворовское правило запрещаетъ подобнаго рода поступки. У него солдатъ является существомъ благороднымъ, честнымъ, знающимъ одно правое свое дѣло, а не грабителемъ, не разбойникомъ. За такое доброе качество Суворова любили самые враги его.

Вотъ какъ онъ училъ своихъ солдатъ защищаться отъ непріятеля и побѣждать его. *«Трое наскочатъ — одного заколи, другаго застрѣли, третьему штыкомъ карачунъ. Много наскочатъ: отскочи шагъ, ударъ одного, коли другаго, стрѣлай третьяго, притисни четвертаго, послѣдніе — твои! Въ сраженіи — картечь на голову, согнись, бьши впередъ, картечь летитъ сверхъ головы. Тогда пушки — твои, люди — твои! Что если бы намъ пришлось увидѣть такого храбреца, не назвали-ли бы мы его чудо-богатыремъ? И такими-то чудо-богатырями были солдаты Суворова. Онъ имъ говорилъ: «чѣмъ ближе къ врагу, тѣмъ лучше. Храбрый впереди — и живъ; трусишку назади убиваютъ, какъ собаку; ему, если и живъ останется, ни чести, ни мѣста нѣтъ»*. И они вмѣстѣ съ своимъ командиромъ всегда были впереди, являя примѣрную или лучше безпримѣрную храбрость. Онъ имъ говорилъ: *«Стой за домъ Пресвятой Богородицы. Стой за Матушку-Царицу. Убьютъ, царство небесное. Церковь Бога молить. Живъ, — вамъ честь и слава»*. И они не щадили себя, жертвуя жизнью для славныхъ подвиговъ, и всегда воображая, что имъ нужно побѣдить или умереть.

Но Суворовъ не ограничивался одними устными или письменными наставленіями: онъ училъ своихъ солдатъ военному искусству самымъ дѣломъ. Бывало, лѣтомъ, чуть свѣтъ, Суворовъ ужъ на ногахъ, и велитъ бить сборъ. *«На вахтпарадъ, братцы, на вахтпарадъ!»* кричалъ онъ собравшимся солдатамъ. *«Смотрите, уже птички Божіи поднялись, а намъ грѣшно не встрѣтить солнышка въ чистомъ полѣ»*. И онъ выводилъ полкъ свой въ поле. Не фронтное только ученіе производилось здѣсь: суворовскій вахтпарадъ былъ настоящее сраженіе. Полкъ дѣлился на двѣ половины, изъ которыхъ

одна представляла собою непріятеля, и начиналось ратное дѣло. «Штыкъ въ полчеловѣка, ура, бей, коли, — впередъ, бѣгомъ — наблюдай интерваллы» кричалъ Суворовъ. Солдаты прииѣрнымъ образомъ стрѣляли, бросались въ атаку, шли на штыки. Суворовъ за всѣмъ слѣдилъ, вездѣ леталъ на своемъ скакунѣ, поправлялъ, что было не такъ, поощрялъ храбрыхъ, и когда дѣло подходило къ концу, кричалъ: «Стой! спасибо, братцы; пуля — дура, штыкъ — молодець, побѣда — слава; ступай домой». Въ награду солдаты получали по чаркѣ водки. Если случалось, что командиръ ихъ былъ недоволенъ ученіемъ, то наказывалъ ихъ такъ: не командовалъ въ штыки, а велѣлъ идти съ поля тихимъ шагомъ. Какъ Богъ вѣсть чего, они боялись такого наказанія. Черезъ такое ученіе солдаты пріобрѣтали опытность въ ратномъ дѣлѣ, набирались воинственнаго духа и въ мнимомъ бою закаливались для дѣйствительнаго боя. Иногда по цѣлымъ днямъ имъ приходилось оставаться въ полѣ: Суворовъ придумалъ для нихъ разные марши, переходы, всякаго рода воинскія упражненія, гдѣ бы можно было выказать силу, ловкость, отвагу, столь необходимыя для солдата. Чтобы пріучить ихъ къ перенесенію холода и жара, онъ училъ ихъ ружью въ сильные морозы, въ сильные жары. Чтобы приготовить ихъ къ внезапнымъ дѣйствіямъ, часто ночью онъ велѣлъ бить тревогу. Полкъ поднимался: онъ выводилъ его въ поле; шелъ шибко, будто преслѣдуя непріятеля: проходилъ поля, лѣса, овраги, переправлялся вплавь черезъ рѣки. Ему хотѣлось познакомить своихъ героевъ съ тѣмъ, какъ идти на штурмъ крѣпости; и разъ представился случай. Шелъ онъ съ своимъ полкомъ изъ Ладоги въ Петербургъ. На дорогѣ у нихъ былъ монастырь. Суворовъ скомандовалъ: «на штурмъ!» Солдаты бросились къ монастырю, и съ крикомъ «ура!» взобрались на его стѣны. Монашествующіе перепугались. Суворовъ извивялся предъ настоятелемъ, что онъ училъ своихъ солдатъ. О такомъ поступкѣ его донесено было Императрицѣ. Она улыбулась и сказала: «Не трогайте его: я его знаю». Чего не дѣлалъ Суворовъ съ своими солдатками, чтобъ сдѣлать ихъ воинами-героями? И они дѣйствительно были такими, какъ замѣтила во время маневровъ сама Императрица, найдя выправку солдатъ Суздальскаго полка отличною. «Солдатъ и въ мирное время на войнѣ», говаривалъ Суворовъ, и шесть лѣтъ пребыванія его въ Ладогѣ для Суздальскаго полка было точно военное время. Бранное пламя, горѣвшее въ груди командира, перели-

дось теперь и въ сердца его солдатъ, которыхъ справедливо называли *Суворовцами*. Глядя на нихъ и слыша рассказы объ ихъ командирѣ-героеѣ, солдаты другихъ полковъ не могли оставаться равнодушными, но начальники и товарищи Суворова не совсѣмъ понимали его, и только называли *чудакомъ и проказникомъ*.

Была для этого и другая, дѣйствительная причина: у Суворова въ самомъ дѣлѣ было много странностей. Онъ ходилъ припрыгивая, и часто прыгалъ на одной ногѣ. Въ разговорѣ съ другими иногда странно кривлялся и посмѣивался; молчалъ, когда всѣ ждали что онъ заговорить; начиналъ говорить и вдругъ останавливался, смѣялся и убѣгалъ. Говорилъ скороговоркой, иногда выдумывая свои слова, напримѣръ: «намека, догадка, лживка, краткомолвка, краснословка, немогузнайка!» Притворялся, что не терпитъ зеркаль, боясь въ нихъ увидѣть себя. Усилилъ свое нелюбимство, отрекшись отъ свѣтскихъ обществъ и проводя время только съ своими солдатами и офицерами. Гнѣвался, кричалъ, бранился, топалъ ногами, когда на его вопросы, хотя бы даже самые странные, отвѣчали: *не знаю, не могу знать*, и всегда требовалъ немедленнаго, положительнаго отвѣта. Вотъ почему впоследствии онъ испросилъ у Императрицы одному подпоручику два слѣдующіе чина за то, что тотъ немедленно отвѣчалъ на его вопросы.

Самый образъ его жизни имѣлъ свои особенности. Вставая на зарѣ, онъ обѣдалъ въ 7, 8 и рѣдко въ 9 часовъ. Предъ обѣдомъ выпивалъ рюмку водки, и закусывалъ солдатскимъ сухаремъ. На обѣдъ подавали ему солдатскія щи и кашу, да еще жаркое, какое случалось, и любимый имъ квасъ. Такое скромное содержаніе происходило оттого, что роскошь считалъ онъ несогласною съ мужествомъ, а не отъ бѣдности или скупости. Послѣ обѣда отдыхалъ. Послѣ отдыха исправлялъ полевые дѣла. Потомъ брался за книги и планы сраженій и занимался въ своемъ кабинетѣ до самаго вечера. Тогда подводили ему донскаго скакуна, и онъ леталъ на немъ по доламъ и горамъ. Лихой наѣздникъ въ семилѣтнюю войну, теперь онъ только упражнялся въ верховой ѣздѣ. Слѣдовалъ ужинъ, и послѣ вечерней молитвы Суворовъ ложился спать. Постелью для него была солома, которую онъ называлъ солдатскимъ пухомъ. Ложился сряду послѣ вечерней зари, чтобы встать съ Божьими птичками и идти со своими солдатушками на ученье. Вставши на зарѣ, онъ обачивался холодною водою, даже въ трескучіе морозы, и такъ закалялъ себя

для холода, что и зимою ходилъ безъ шубы. Здоровье было для него лучшею наградою за такой образъ жизни. Въ свободное время отъ службы и отъ ученыхъ своихъ занятій, онъ занимался обученіемъ солдатскихъ дѣтей: сочинилъ для нихъ молитвенникъ, катихизисъ, руководство къ ариметикѣ. Купилъ даже на свой счетъ домъ для нихъ въ городѣ; завелъ школу, въ которой самъ былъ и начальникомъ и учителемъ: величайшее благодѣяніе для тогдашняго времени, когда у насъ не было еще народныхъ школъ! По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ постоянно посѣщалъ храмъ Божій: тамъ читалъ и пѣлъ вмѣстѣ съ дьячкомъ.

3. Суворовъ въ Польшѣ.

Воинскія упражненія въ Ладогѣ какъ-разъ пригодились Суворову въ Польшѣ. Польскій король Станиславъ, обязанный избраніемъ своимъ на престолъ Императрицѣ Екатеринѣ II, показывалъ ей знаки своей покорности и преданности. Это не понравилось Полякамъ, и они стали составлять въ разныхъ городахъ сборища или конфедераціи противъ короля, взявшись за оружіе. Разсѣять эти сборища, унять своевольныхъ конфедератовъ посланъ былъ въ 1768 году Суворовъ, пожалованный въ бригадиры.

Русское небольшое войско, стоявшее въ Польшѣ, ожило духомъ, услыхавъ, что идетъ къ нимъ Суворовъ; а генераль Веймарнъ, начальникъ этого войска, звалъ его скорѣй къ себѣ въ Варшаву. Посадивъ пѣхоту и конницу на телѣги, онъ полетѣлъ на зовъ. По дорогѣ, недалеко отъ Бреста, врасплохъ напалъ на конфедератовъ, окружилъ ихъ квартиры и заставилъ распустить набранное ими войско. Проскакавши 800 верстъ въ 12 дней безъ отдыха, онъ былъ уже въ Варшавѣ. Тутъ носился слухъ, что къ польской столицѣ идетъ конфедератское войско. Взявъ съ собою небольшой отрядъ, Суворовъ отправился на поиски. Идетъ и видитъ за рѣкою польскихъ всадниковъ: онъ бросился съ отрядомъ въ воду, перешелъ рѣку въ бродѣ, напалъ на непріятеля и отбросилъ его отъ Варшавы.

Узнавъ о сборѣ конфедератовъ около Бреста, подъ предводительствомъ Пулавскаго, онъ полетѣлъ туда изъ-подъ Варшавы. Непріятель стоялъ въ лѣсу, защищаемый болотомъ: Суворовъ пробрался къ нему и сбилъ его. Непріятельская конница окружила его

со всѣхъ сторонъ; онъ сталъ кареемъ, арестовавъ дежурнаго майора, закричавшаго: «мы отрѣзаны!» и картечью отбилъ нападеніе. Четыре раза Поляки бросались въ атаку; онъ удачно отбивался; наконецъ ударилъ въ штыки и заставилъ ихъ бѣжать. Чинъ генераль-майора былъ ему наградою за его подвиги.

Въ Люблинѣ, гдѣ учредилъ онъ главную свою квартиру, ему донесли, что Мошинскій собралъ отрядъ и хочетъ проказничать: Суворовъ налетѣлъ на него и разбилъ. Тотъ успѣлъ оправиться; Суворовъ опять нагрянулъ на него и разбилъ вторично. Несчастный случай едва не погубилъ героя послѣ этой битвы. Ему нужно было переправиться черезъ Вислу: моста не было, былъ паромъ. Суворовъ заторопился, хотѣлъ вскочить на паромъ, упалъ и такъ сильно ударился грудью, что лишился чувствъ и свалился въ воду. Въ ту-же минуту одинъ изъ гренадеръ бросился въ рѣку и спасъ его. Но этотъ случай стоилъ ему трехъ мѣсяцевъ болѣзни. Императрица прислала ему орденъ св. Анны, имѣвшій тогда одну только степень.

Конфедераты, воспользовавшись болѣзнію Суворова, заняли одинъ городъ за другимъ. По выздоровленіи онъ тотчасъ выступилъ изъ Люблина, чтобы отнять у конфедератовъ Ландскрону. Въ это время они овладѣли Люблиномъ. Взявъ Ландскрону, Суворовъ полетѣлъ назадъ къ Люблину, конфедераты бѣжали. Такіе маневры нерѣдки были въ конфедератскую войну: непріятель покажется въ какомъ-нибудь городѣ, Суворовъ какъ тутъ; смотришь, а ужъ непріателемъ занять тотъ городъ, откуда тотъ вышелъ: онъ туда.

Вотъ узнаетъ онъ, что Веймарнъ отрѣзанъ и окруженъ непріателемъ въ Краковѣ, и летитъ къ нему на выручку. Конфедераты загородили ему дорогу, и безъ того уже заслоненную рѣкою. Суворовъ велѣлъ палить изъ пушекъ, первый бросился въ рѣку, гренадеры за нимъ, всѣ шли по поясъ въ водѣ. Вышли на берегъ, а непріятеля какъ не бывало. Подступивши къ Кракову, онъ освободилъ его. Отсюда бросился къ Замосцю, и разбилъ Пулавскаго; потомъ къ Краснику, и уничтожилъ отрядъ Новицкаго. Вездѣ преслѣдовалъ, поражалъ онъ конфедератовъ, разсѣвая ихъ сборища, не давая имъ мѣста; они бѣжали: кто за границу, кто въ Литву. Въ награду присланъ былъ ему орденъ св. Георгія 3 степени.

Когда Польша очищена была отъ конфедератовъ, въ Литвѣ готовилось сильное возстаніе: тамъ дѣйствовалъ гетманъ Огинскій. Суворовъ представилъ Веймарну необходимость потушить пожаръ въ

самомъ началѣ, во получилъ приказаніе не двигаться съ мѣста. Между тѣмъ вѣсть приходила за вѣстью, что войско Огинскаго день ото дня увеличивается, что онъ разсѣялъ нѣсколько русскихъ отрядовъ, тамъ находившихся, и многихъ взялъ въ плѣнъ. «Спасемъ нашихъ», сказалъ тогда Суворовъ, а тамъ пусть дѣлаютъ со мною, что хотятъ! я отвѣтчикъ!» Написавъ къ Веймарну: «Фитиль на пушкѣ, Суворовъ въ полѣ», онъ выступилъ изъ Люблина, и на четвертый день, проскакавъ болѣе 200 верстъ, былъ уже въ Слонимѣ, откуда полетѣлъ къ мѣстечку Столовичамъ, гдѣ стоялъ Огинскій въ укрѣпленномъ лагерѣ.

— Впередъ! Бить Огинскаго! говорилъ онъ своимъ солдатамъ.

— У Огинскаго 4,000 человекъ войска и артиллерія, возразили ему.

— Помилуй Богъ! отвѣчалъ онъ: да вѣдь это только по пяти человекъ на одного нашего солдата, а они справлялись съ десяткомъ.

И вотъ они вблизи уже къ непріятельскому лагерю! Была темная ночь. Пробравшись черезъ лѣсъ и болото, Суворовъ зашелъ въ тылъ Огинскому, и съ крикомъ «ура» ударилъ на непріятеля. Тотъ не могъ опомниться: какъ съ неба свалились Русскіе, и въ беспорядкѣ бросился къ Столовичамъ. Суворовъ погнался за нимъ и ворвался въ мѣстечко, гдѣ къ его отряду присоединился русскій баталіонъ, захваченный прежде Огинскимъ. Здѣсь нашъ герой былъ на волосъ отъ смерти: въ него выстрѣлили арнаутъ изъ свиты Огинскаго, но не попалъ: не разглядѣвши въ темнотѣ, Суворовъ обратился къ нему съ приказомъ, принявъ его за своего. Поляки бѣжали въ поле, и тамъ выстроились въ боевой порядокъ. Суворову этого не хотѣлось. Началась битва. «Чудо-богатыри!» говорилъ онъ своимъ солдатамъ: «отступать некуда: или намъ лечь здѣсь, или имъ! На штыки! ура!» Упорно и отчаянно дрались конфедераты, но не выдержали жаркаго натиска русскихъ штыковъ, и побѣжали въ беспорядкѣ къ Слониму. Вдругъ, откуда ни возьмись, примчались польскіе гусары, не подоспѣвшіе къ битвѣ. Завязалась новая битва. Суворовъ сразилъ ихъ и полетѣлъ за бѣжавшими. Какъ-только Русскіе показались въ Слонимѣ, конфедераты бѣжали въ Пинскъ. Суворовъ за ними. Видя невозможность противостоятъ русскому герою, конфедераты разсѣялись, а изъ предводителей ихъ, кто не нашель еще себѣ смерти, бѣжалъ; Огинскій ушелъ въ Пруссію. Его казна обозъ, артиллерія со множествомъ плѣнныхъ, достались Суворову.

Побѣдитель возвратился въ Люблинъ. Веймарнъ отнялъ у него команду и отдалъ его подъ военный судъ за ослушаніе. «Судите и казните меня», сказалъ герой; «все-таки Огинскаго вѣтъ, и Литва спокойна. Я сдѣлалъ свое дѣло, дѣлайте теперь свое». Но Императрица освободила его отъ суда и отвѣтственности и пожаловала ему орденъ св. Александра Невскаго. «Матушка меня не забываетъ», сказалъ Суворовъ, утирая слезы.

Между-тѣмъ, пользуясь слабостью каменданта города Кракова, полковника Штакельберта, любившаго веселиться на балахъ, конфедераты вотъ что сдѣлали: надѣли на себя сверхъ мундировъ бѣлыя рубашки (это было зимою); незамѣченные никѣмъ подошли къ горѣ, на которой стоялъ замокъ, и ползкомъ взобрались на самую гору. Тамъ въ стѣнѣ нашли отверстіе, сдѣланное для стока воды и нечистотъ, и пролѣзли черезъ него въ самый замокъ. Русскій гарнизонъ спалъ: его схватили. Стали палить изъ пушекъ. Штакельбергъ былъ тогда на балу и танцевалъ съ одной изъ польскихъ красавицъ. Конфедераты вбѣжали въ залъ и потребовали у него шпагу. Отдавъ оружіе, ловкій полковникъ успѣлъ однакоже самъ ускользнуть изъ ихъ рукъ. Собралъ отрядъ, бросился къ замку, но увы! ничего не могъ сдѣлать. Только-что узналъ объ этомъ Суворовъ, тотчасъ прилетѣлъ въ Краковъ. Смотрить, дѣло плохо. Велѣлъ собрать войско, а его было не болѣе 1,000 человекъ съ 4 пушками. Вдругъ съ разныхъ мѣстъ нахлынули къ городу конфедераты, ободренные вѣстью о взятіи Кракова и окружили нашего героя. Суворовъ храбро отбивался кругомъ въ ожиданіи помощи. Чтобы сколько-нибудь пополнить свой малый отрядъ, онъ отдалъ приказъ разставить по карауламъ жидовъ. Безъ смѣха нельзя было смотрѣть на новыхъ часовыхъ, со страхомъ и трепетомъ занимавшихъ свой постъ. Когда подошлась помощь, онъ велѣлъ осадою взять краковскій замокъ, который черезъ нѣкоторое время и сдался, а самъ устремился въ Тинепу, гдѣ стояли отряды Коссаковскаго, и разбилъ ихъ. Но тутъ, о ужасъ! едва не пробилъ послѣдній часъ нашего героя. Все знали, что онъ одинъ повсюду поражаетъ конфедератовъ: его-то и нужно было отнять у русскаго войска. Одинъ польскій уланскій офицеръ поклялся умертвить его: подѣхалъ къ нему на нѣсколько шаговъ, и выстрѣлилъ въ него изъ двухъ пистолетовъ. Когда пули пролетѣли мимо, уланы устремился на него съ саблею. Уже взвилось въ воздухъ смертоносное оружіе, уже брякнула сабля о саблю, ко-

торою нашъ герой успѣлъ отвести ударъ. Въ эту минуту подскочилъ русскій кирасиръ, выстрѣлилъ въ наѣздника и повергъ его съ лошади. Спасенный Суворовъ погнался за бѣжавшимъ непріятелемъ и далеко его преслѣдовалъ. Конфедераты разсѣялись, не желая уже болѣе имѣть дѣла съ Суворовымъ, убѣдившись въ его непобѣдимости.

Польша затихла. Къ Россіи присоединена была Бѣлоруссія. Имя Суворова прогремѣло по всей странѣ вмѣстѣ съ геройскими его дѣйствіями: только и рѣчи было, что о немъ.

4. Суворовъ на балу, въ Финляндіи, Турціи на Волгѣ и въ Крыму.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, герой польской войны представился Императрицѣ. Она приняла его чрезвычайно ласково и долго съ нимъ разговаривала. Во дворцѣ назначался балъ: Суворовъ получилъ приглашеніе. Какъ ни чуждъ онъ былъ баловъ и вообще свѣтскихъ обществъ, но не явиться во дворецъ было нельзя. Онъ готовъ былъ лучше явиться на поле сраженія, броситься въ самый пылъ его, одержать нѣсколько побѣдъ надъ нѣсколькими непріятелями, нежели наряжаться въ бальное платье и ѣхать на балъ, да и еще такой великолѣпный, какъ придворный. Но нечего дѣлать: въ назначенный день нарядился и поѣхалъ.

«Народу-то, народу сколько!» подумалъ онъ, войдя въ залъ и окинувъ взоромъ гостей. «А какъ всѣ разряжены!» повторялъ онъ про себя, успѣвши разглядѣть ихъ наряды: «откуда чтò берется? Глаза некуда дѣвать отъ блеска, такъ и искрится въ нихъ отъ брильянтовъ». Загремѣла музыка, и нашъ герой дрогнулъ, припоминая, какъ подъ громомъ ея совершалъ походы, и поражалъ непріятеля. Когда стали танцовать вальсъ, онъ проговорилъ, смотря на вальсирующихъ: «вотъ такъ, точно такъ нужно было нестись изъ Люблина къ Словиму, а оттуда къ Столовичамъ!» Но какъ ни занимало, ни поражало его здѣсь все, онъ чувствовалъ однако себя въ какомъ-то неловкомъ положеніи. «Ухъ! какъ мнѣ здѣсь неловко!» повторялъ онъ самъ про себя. «Всѣ танцуютъ, а мнѣ что дѣлать? Казачка пошелъ бы, а больше ничего не знаю! Лица все незнакомыя, и будто дичатся меня: подойдутъ, да и посторонятся. Куда мнѣ дѣваться? Ухъ! какъ неловко!» Но Суворовъ ошибался въ своемъ мнѣніи: хоть тутъ были лица и незнакомыя ему, но его всѣ знали,

потому-что всѣ слышали о его геройскихъ подвигахъ; а то, что почитательно посторонялись отъ него, было только знакомъ заслуженнаго уваженія къ нему. Наконецъ одинъ молодой князь осмѣлился подойти къ нему и заговорить съ генераломъ-героємъ.

— Вы такую приобрѣли славу, началъ онъ, ловко разшаркнувшись передъ Александромъ Васильевичемъ, что я за счастье почелъ бы для себя служить подъ вашимъ начальствомъ.

— Пожалуйте, пожалуйста ко мнѣ. Послужимъ, батенька, вмѣстѣ! я очень радъ. Навьюхаетесь у меня пороху. Изучите мой катехизисъ, и сдѣлайтесь такимъ-же русскимъ солдатомъ, какъ и я. Вы, кажись, французикъ?

— Я природный Русскій; только воспитанъ по-французски, какъ и всѣ теперь воспитываются, потому что Французы образованнѣйшіе люди въ мірѣ.

— Ой, ой, ой! сколько вы, батенька, наговорили. Сколько тутъ, извините меня, вздору! Такъ и Нѣмцы, и Англичане, и весь свѣтъ по-вашему должны офранцузиться, когда Русскимъ это необходимо? Можетъ ли это быть?.. Да и стоять ли того Французы? Красно поболтать о пустякахъ они — охотники; складно поврать о небываломъ они—мастера; поплясать, какъ прыгаетъ сорока, они—искусники. А подумать о чемъ-нибудь, какъ слѣдуетъ, да вникнуть въ дѣло хорошенько, у нихъ на это недостаетъ ума.

Тутъ пошелъ у нихъ жаркій разговоръ. Въ это время мимо проходила Императрица.

— Спасибо вамъ, Александръ Васильевичъ, что вы проучили этого молодого человѣка, сказала, она.

— Помилуй Богъ, Матушка-Государыня, отвѣчалъ Суворовъ: гдѣ мнѣ учить другихъ, когда я самъ ничего не знаю.

Императрица разсмѣялась и, давъ поцѣловать ему руку, сказала:

— Кстати я должна вамъ сказать, что вы будете нужны мнѣ въ Финляндіи.

— Слушаю, Матушка-Государыня! отвѣчалъ Суворовъ и посиѣшно удалился изъ дворца.

Первый вопросъ, по возвращеніи его домой, былъ:

— Кибитку почили?

— Починили, отвѣчалъ слуга, котораго онъ обыкновенно называлъ Прошкойю.

— Ступай помоги мнѣ раздѣться.

Особенное удовольствіе чувствовалъ онъ, когда снялъ съ себя бальное платье: свободнѣе было дышать.

— Теперь давай одѣваться, произнесъ Суворовъ.

Прощка вытаращилъ глаза, и стоялъ въ изумленіи.

— Скорѣй дорожное платье, продолжалъ Суворовъ, да веди закладывать лошадей.

— Куда это вы собираетесь, Александръ Васильевичъ, въ ночную пору?

— Все будешь знать, скоро состаришься. Маршъ къ дѣлу!

Прощка ушелъ. Александръ Васильевичъ растворилъ книжный шкафъ; бралъ одну книгу за другою, пересматривая въ нихъ заглавные листы; взялъ наконецъ одну изъ нихъ, и сѣвъ у письменнаго стола, сталъ перелистывать ее.

— Платье готово, сказалъ Прощка, войдя въ комнату. — Не прикажете ли на дорогу чего-нибудь покушать?

— Покушать? повторилъ Суворовъ, продолжая перелистывать книгу. Какъ же, какъ же! покушать не худо бы! А что есть?

— Холодное изъ солонины, съ квасомъ да хрѣномъ.

— Не хочу.

— Сырая, кислая капуста, съ квасомъ.

— Люблю ее, да теперь не хочу.

— Рѣдька съ коноплянымъ масломъ.

— Вотъ это такъ! Рѣдьки покушаю. Принеси мнѣ рѣдички съ коноплянымъ масломъ. Помилуй Богъ, какъ это здорово.

Поужинавъ съ особеннымъ аппетитомъ, Александръ Васильевичъ сталъ одѣваться. Кибитка стояла уже у воротъ. Онъ взялъ въ карманъ книгу, которую читалъ, перекрестился и вышелъ.

— Куда прикажете ѣхать? спросилъ у него Прощка, садясь на облучокъ.

— Въ Чухляндію, отвѣчалъ Суворовъ.

На другой день, онъ былъ уже въ Выборгъ, финляндскомъ городѣ, и писалъ къ Императрицѣ: «Я здѣсь, и ожидаю высочайшихъ Вашихъ повелѣній». Вотъ какова была исполнительность Суворова: еще не получилъ онъ приказанія, а только намекъ на него, и уже на мѣстѣ ждалъ самаго приказанія.

Но войны съ Швеціей не было, какъ предполагалось; оставаться Суворову въ Финляндіи было не для чего, и онъ посланъ былъ въ Турцію, гдѣ дѣйствовали русскія войска подъ начальствомъ Румян-

цева. Тутъ онъ показалъ себя по-суворовски: подъ городомъ Туртукаемъ съ 1,800 Русскихъ разбилъ 8,000 Турокъ; подъ Гирсовымъ, съ 2,500 Русскихъ, разбилъ 11,000 Турокъ; а при мѣстечкѣ Колуджи обратилъ въ бѣгство 40,000 турецкое войско, даже безъ боя. Подъ Гирсовымъ дѣло было такъ: нагрянулъ на него визирь. Суворовъ отдалъ приказъ отбиваться слабо, даже изъ перваго шанса бѣжать во второй, разставивъ часть своей незначительной пѣхоты и конницы въ скрытыхъ мѣстахъ. Онъ повялъ образъ войны Турокъ, которые нападали огромными силами и съ многочисленною конницею, дѣлая первый свой ударъ ужаснымъ: нужно было только выдержать этотъ ударъ, чтобы лишить Оттомановъ бодрости и выиграть у нихъ дѣло. Хитрость Суворова удалась. Когда Русскіе побѣждали, Туркамъ и показись, что ихъ робѣютъ; въ бѣшеной ярости, они бросились на Русскихъ чрезъ рогатки, которыми обыкновенно тогда защищались отъ непріятели. Тутъ встрѣтила ихъ наша картечь, градомъ посыпавшаяся изъ скрытой батареи; Турки смѣшались. Еще разъ ударили они на Русскихъ, и опять смѣшались. Тогда показался могучій русскій штыкъ, и двѣ скрытыя колонны нашей пѣхоты ударили на непріятели съ фланговъ; въ то-же время конница наша врубилась въ середину. Турки оробѣли, потерялись и обратились въ бѣгство. Въ это время Суворовъ пожалованъ былъ орденомъ св. Георгія 2 степ., а потомъ произведенъ былъ въ генераль-поручики.

Герою дано новое назначеніе—положить конецъ бунту Пугачева, донскаго казака. Этотъ безумецъ вздумалъ присвоить себѣ имя Императора Петра III-го, давно уже умершаго, увѣряя, что о смерти его распустили ложный слухъ. Киргизы, Вашкирцы, Калмыки, люди бѣглецы, повѣрили на-слово и давай драться за самозванца: нападали на города и деревни, вездѣ грабили и рѣзали или вѣшали. Этотъ бессмысленный сбродъ постоянно возрасталъ; доходилъ даже до многихъ тысячъ, такъ что нелегко было управиться съ нимъ, хотя не разъ былъ разбиваемъ посланными противъ него войсками. Это-то дѣло и поручено теперь было Суворову, который по-суворовски помчался въ почтовой телѣжкѣ на Волгу, гдѣ уже сильно разгорѣлся пожаръ мятежа. Въ Саратовѣ онъ получилъ собственноручное письмо Государыни: она благодарила его за «проворную ѣзду», и послала ему 2,000 червонцевъ на покупку экипажа, которымъ бы онъ могъ замѣнить телѣжку. Въ Царицынѣ составилъ онъ отрядъ, съ которымъ быстро пошелъ за Волгу, чтобы тамъ схватить злодѣя. Онъ

шелъ, какъ гроза, и отъ ужаса содрогнулись бы, кажется, самыя степи, по которымъ онъ проходилъ еще въ первый разъ, если бы тутъ встрѣтились ему мятежники съ своими «генералами», и вступили съ нимъ въ бой. Вдругъ онъ узнаетъ, что Пугачевъ пойманъ и повезенъ въ Уральскъ. Туда понесся и Суворовъ. Въ степи провизжала мимо него пуля, и ранила его адъютанта, который ѣхалъ рядомъ: Киргизы, грабившіе по Волгѣ, толпою сидѣли у огня, и, когда отрядъ набѣжалъ на нихъ, стали стрѣлять въ него изъ своихъ винтовокъ, потомъ разбѣжались. Въ Уральскѣ Пугачевъ сданъ былъ Суворову: злодѣя оковали кандалами по рукамъ и по ногамъ, посадили въ желѣзную клѣтку, нарочно для него приготовленную, и повезли на двухъ-колесной телѣгѣ, въ сопровожденіи трехъ ротъ солдатъ, двухъ сотъ казаковъ и двухъ пушекъ, при неусыпномъ надзорѣ самого Суворова. По дорогѣ въ одной деревнѣ ночью произошелъ пожаръ: бдительный Суворовъ всю ночь не спалъ и сидѣлъ подлѣ клѣтки Пугачева, опасаясь какихъ-нибудь злоумышленій. Въ Симбирскѣ сдалъ онъ своего плѣнника Панину; привезенный въ Москву, злодѣй былъ казненъ (1775 г.).

Покореніе Крыма, подвластнаго Татарамъ, было новымъ подвигомъ Суворова. Такое покореніе намъ нужно было, потому-что Татары заслонили для насъ собою Черное море, да еще беспокоили насъ своими набѣгами. По Кайнарджійскому миру, заключенному между Россією и Турцією, Татары объявлены независимыми отъ Турціи, и признали надъ собою покровительство Россіи: вотъ почему мы въ правѣ были вмѣшиваться въ ихъ дѣла. Сами они также давали къ тому поводъ, прибѣгая къ намъ за помощію во время внутреннихъ своихъ смятеній, которыя у нихъ часто повторялись. Такъ они волновались при избраніи Шагинъ-Гирея на ханскій престолъ, а потомъ чрезъ нѣсколько лѣтъ подняли противъ него бунтъ. Въ томъ и другомъ случаѣ приходило къ нимъ русское войско, съ появленіемъ котораго безпорядки прекращались. Но въ послѣдній разъ Татарамъ предложено было добровольно покориться русской Императрицѣ, и они покорились. Все это дѣло, тянувшееся нѣсколько лѣтъ, и подготовилъ и кончилъ Суворовъ. — Поколѣніе ногайскихъ Татаръ въ 1783 году совершенно было имъ торжественнымъ образомъ; тутъ-же не обошлось и безъ оружія. Въ назначенный день степь, вокругъ городка Эйска, у Азовскаго моря, покрылась татарскими выбитками. Ногайцы съѣхались сюда цѣлыми тысячами, и

черными рядами стали ходить по обширной равнинѣ. Русское войско стояло подъ ружьемъ; въ полковой церкви шла обѣдня. Послѣ обѣдни Суворовъ, въ сопровожденіи своего штаба, явился въ кругу ногайскихъ предводителей. Громогласно прочитанъ былъ манифестъ Шагинъ-Гирейя, въ которомъ онъ отрекался отъ ханскаго званія, и передавалъ свою власть русской Императрицѣ. Уже прежде изъявившіе покорность Ногайцы теперь торжественно приведены было только къ присягѣ въ вѣрности новой властительницѣ. Многимъ мурзамъ объявлены были чины русской службы: кому штабъ-офицерскіе, кому оберъ-офицерскіе. Затѣмъ послѣдовалъ пиръ: 100 быковъ и 800 барановъ были сварены и изжарены, вино стояло цѣлыми бочками; равнина устлана была коврами, на которыхъ усѣлась 6,000-я группа. Поднялся говоръ, шумъ; гремѣла полковая музыка, гудѣли татарскія волюнки, переливались пѣсни, грохотало русское «ура»; по временамъ раздавался громъ пушекъ. Ногайцамъ и во снѣ никогда не видѣлось подобное торжество. Пиръ кончился конскими скачками: летали, какъ угорѣлые. На другой день невольно вспомнили день вчерашній и пирушка возобновилась. Ногайцы очень довольны были угощеніемъ Суворова и, отправляясь домой, повторяли клятву вѣрности. Не тутъ-то было: кочевья возстали, и хозяину пира нужно было еще порохомъ и штыкомъ попотчевать своихъ гостей. Онъ пошелъ съ войскомъ за Кубань. Труденъ былъ этотъ походъ: переходили въ бродъ рѣки, неся на плечахъ патроны и пороховые ящики и перекатывая пушки по дну; переправлялись чрезъ болота, настилая мостики изъ камышей и дерна; шли степью по ночамъ и уже совершили нѣсколько сотъ верстъ; терпѣли недостатокъ въ продовольствіи, такъ-что къ послѣднему дню запасовъ вовсе не было. Но наши вездѣ поражали Ногайцевъ; кочевья ихъ разсѣивались отъ перваго появленія Русскихъ, какъ пыль отъ сильнаго вѣтра. Мятежники должны были смириться: явились къ Суворову и подтвердили свою покорность русскому владычеству. За это дѣло герой награжденъ былъ орденомъ св. Владиміра 1 степ.

Послѣ покоренія Крыма, Екатерина предприняла путешествіе въ тотъ край. Въ числѣ приближенныхъ особъ, сопровождавшихъ ее, былъ и Суворовъ, пожалованный уже въ генераль-аншефы. Вѣрный своему веселому нраву, онъ позволялъ себѣ въ дорогѣ шутить и проказничать. — Въ Полтавѣ, гдѣ расположено было войско, ввѣренное его начальству, онъ произвелъ маневры, которыми очень довольна была Императрица.

— Чѣмъ мнѣ наградить васъ? спросила она Суворова.

— Ничего не надобно, Матушка! отвѣчалъ онъ: давай тѣмъ, кто просить; вѣдь у тебя и такихъ попрошаекъ, чай, много.

— Я непременно хочу наградить васъ.

— Если такъ, Матушка, спаси и помилуй: прикажи отдать за квартиру моему хозяину—покою не даетъ, а заплатитъ нечѣмъ.

— А развѣ много?

— Много, Матушка! три рубля съ полтиной.

Деньги были выданы, и Суворовъ съ торжествомъ рассказывалъ объ уплатѣ за него долговъ Императрицѣю, приговаривая: «Промогался! хорошо, что Матушка за меня платитъ, а то бѣда бы!»—Завистники разнесли слухъ, что Суворова, дряхлаго и больного, предполагаютъ уволить отъ службы; рьяному воину это очень не понравилось. Вотъ разъ, во время прогулки съ Императрицѣю по водѣ, какъ только лодка подошла къ берегу, онъ прыгнулъ на берегъ.

— Ахъ, Александръ Васильевичъ! какой вы молодецъ! смѣясь сказала ему Екатерина.

— Какой молодецъ, Матушка! вѣдь говорятъ, будто я инвалидъ?

— Едва ли тотъ инвалидъ, кто дѣлаетъ такіе прыжки.

— Погоди, Матушка, еще не такъ прыгнемъ въ Турціи!

Суворову сказали, что Императрица за что-то недовольна имъ. Чтобы увѣриться въ этомъ, онъ нашелся по-своему: бросился предъ Государыней и легъ у ногъ ея.

— Что вы, что вы? Александръ Васильевичъ, спрашивала Екатерина, подымая его.

— Вотъ вдругъ, будто я упалъ, сказалъ онъ, быстро вскочивъ. Видите: сама Матушка-Царица подняла меня.

Не правда ли, что Суворовъ былъ съ замѣчательными странно-стями и причудами? Но правда и то, что онъ былъ великій полководецъ, былъ первый въ мѣстѣ Императрицы, войска и даже народа: его непобѣдимость сдѣлалась повѣрьемъ солдатскимъ и народнымъ.

5. Суворовъ опять въ Турціи.

Въ 1787 году загорѣлась вторая турецкая война: Турціи хотѣлось отваять у Россіи только-что покоренный Крымъ съ черноморскими берегами. Главнокомандующимъ русскаго войска былъ Потемкинъ, но героемъ этой войны былъ Суворовъ.

Вотъ турецкій флотъ явился подъ Кинбурномъ, гдѣ находился Суворовъ съ небольшимъ гарнизономъ. Осыпавъ, какъ водится, крѣпость бомбами, Турки стали высаживаться на берегъ: наши не оказывали имъ ни малѣйшаго сопротивленія. Высадившись, они стали строить укрѣпленія: наши имъ не мѣшали. Что это значитъ? То, что въ умѣ чудо-богатыря Турки обречены уже были на жертву, и онъ не велѣлъ даже стрѣлять въ нихъ. Пославъ за конницею, стоявшею въ 25 верстахъ, Суворовъ спокойно слушалъ обѣдню въ крѣпостной церкви, будто въ обыкновенное мирное время. Вдругъ даютъ знать ему, что Турки идутъ на приступъ Кинбурна. Не дождавшись помощи, герой нагрянулъ на нихъ и смялъ: Турки бѣжали. Но бѣжать-то имъ некуда было: по приказанію паши, турецкіе корабли отчалили отъ берега. Въ этомъ отчаянномъ положеніи, какъ звѣри, напали они потомъ на Русскихъ, а съ кораблей ихъ въ то-же время градомъ сыпались въ крѣпость бомбы и ядра. Нашей пѣхотѣ, состоявшей только изъ 1,000 человекъ, никакой не было возможности устоять противъ ихъ сабель и кинжаловъ: ее погнали съ дикимъ воплемъ: «Алла! алла!» Является Суворовъ и, крикнувъ: «ребята, за мной!» бросается впередъ. Ядра летали передъ ними какъ мячики; однимъ оторвало морду у его лошади: она упала, съ нею упалъ и всадникъ. Замѣтивъ это, Турки влетѣли на него, и уже сабля у одного сверкнула въ воздухѣ. «Братцы! спасайте генерала!» крикнули наши, бросившись защищать его, и мушкетеръ Новиковъ повергъ штыкомъ турка, занесшаго саблю. Турки были сбиты второй разъ. Они напали на нашихъ въ третій разъ. Въ этой схваткѣ нашъ герой, раненый уже картечью въ бокъ, былъ еще раненъ пулею въ лѣвую руку. Истекая кровью, онъ удалился за крѣпость: тамъ рану его обмыли морскою водою и завязали. «Помогло! Помилуй Богъ, помогло!» сказалъ онъ и, перевернувъ рубашку и надѣвъ ее сухимъ рукавомъ на рану, полетѣлъ въ битву. Тамъ дѣло дошло до рукопашнаго боя. Нашимъ приходилось плохо, многочисленность брала перевѣсъ надъ храбростью. Въ это время прибыло 10 эскадроновъ конницы, и дѣло пошло совсѣмъ иначе: Турки потерпѣли ужасное пораженіе, изъ 6,000 едва спаслось 700 человекъ. Это пораженіе навело такой ужасъ на весь турецкій флотъ, что онъ безъ оглядки удалился въ Царьградъ.

« Не нахожу словъ благодарить тебя, сердечный другъ »! пишетъ Потемкинъ кинбурнскому герою: « да возстановитъ Богъ твое здо-

ровые для общих трудов!» Эту победу праздновали и в Петербургѣ. «Старикъ поставилъ насъ на колѣни; жаль только, что его ранили», говорила Екатерина, и въ собственноручномъ письмѣ изъяснила Суворову благодарность, пославъ вмѣстѣ съ тѣмъ орденъ св. Андрея Первозваннаго. Въ арміи явилась солдатская пѣсня, прославившая его подвигъ.

Наша Кинбурнская коса
Вскрыла первы чудеса.

Вотъ какъ писалъ онъ о Кинбурнской битвѣ къ дочери своей, бывшей тогда въ Смольномъ монастырѣ. «У насъ была драка по-силянѣе той, когда вы другъ друга за уши дерете. И какъ мы тапцовали: въ бою картеча, на рукѣ отъ пули дырочка, да подо мною лошади мордочку оторвало! То-то была комедія—насилу черезъ 8 часовъ съ театра отпустили! А какъ у насъ весело: на морѣ поютъ лебеди, утки и кулики; на поляхъ жаворонки, синички, лисички, а въ водѣ стерляди да осетры—пропасть! Прости, мой другъ Наташа! Знаешь ли, что Матюшка Государыня пожаловала мнѣ Андреевскую ленту за вѣру и вѣрность?» Кто не видитъ изъ этого письма, какъ старикъ-отецъ умѣлъ разговаривать съ своею десятилѣтнею дочерью, какъ воинственная и будто суровая душа его способна была къ нѣжному выраженію мыслей, какъ умѣлъ онъ вести шутливый разговоръ.

Подъ Очаковымъ Суворова жестоко ранили: пуля прошла сквозь шею и остановилась въ затылкѣ. Захвативъ рану, онъ поскакалъ въ свою палатку, сдавъ команду другому. Когда вырѣзали у него пулю, онъ лишился чувствъ: опомнившись потомъ немного, опять впалъ въ обморокъ; обморокъ слѣдовалъ за обморокомъ; рана воспалилась; тяжко страдая, несчастный едва могъ дышать. Послали за священникомъ: Александръ Васильевичъ исповѣдывался и уже помышлялъ о томъ, какъ отойти въ другой міръ. Но Богъ укрѣпилъ его силы, страдалецъ выдержалъ сильнѣйшее мученіе; только подвергся желтухѣ, да еще опасались, что шея его искривится. Перевезенный въ Кинбурнъ, послѣ сдѣланной еще разъ операціи, при которой вынуты были куски сукна, оставшіеся въ ранѣ, онъ начиналъ чувствовать себя легче; къ счастью, и благодатный сонъ, столь необходимый въ его положеніи, посѣтилъ страдальца. Вдругъ откуда ни возмись, сквозь потолокъ деревяннаго дома упала къ нему бомба, тутъ же лопнувшая: взорвало мастерскую, гдѣ начинали бомбы и

гранаты. Самимъ адомъ пахнуло тогда въ комнать Александра Васильевича. А онъ живъ или мертвъ? Провидѣніе сохранило своего любимца, который, увы! могъ бы погибнуть безвозвратно. Осыпанный обломками, онъ успѣлъ выскочить въ сѣни. Какой страшный видъ былъ тогда на немъ: весь израненный, съ знаками и на лицѣ, и на груди, и на колѣнѣхъ, и на локтѣхъ; а кровь лилась ручьемъ, и заживавшая рана раскрылась! Но Богъ помогъ ему перенести и это страданіе; только онъ долженъ былъ на нѣкоторое время оставить армию. Вызванный потомъ въ Петербургъ, онъ награжденъ былъ брильянтовымъ перомъ на каску съ изображеніемъ буквы К. (Кинбурнъ), а чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ опять явился на поле битвы. Потемкинъ назначилъ ему такой постъ, гдѣ онъ долженъ былъ дѣйствовать вмѣстѣ съ Австрійцами, нашими союзниками, бывшими подъ начальствомъ принца Кобургскаго.

Прежде всего они разбили Турокъ подъ Фокшанами. Въ то самое время шелъ противъ нихъ самъ визирь съ своею громадною арміею, подъ которою земля, кажется, стонала. Бѣжавшіе изъ-подъ Фокшанъ съ ужасомъ рассказывали ему о случившемся. «Отмстить, отмстить врагу за пораженіе!» въ сильномъ гнѣвѣ воскликнулъ визирь, и отъ этихъ словъ еще болѣе воспламенились сердца Турокъ. Хотѣли просто уничтожить Русскихъ и Австрійцевъ; трепетали только одного Суворова. Нѣкоторое время они ободрены были слухомъ, что этотъ чудо-богатырь былъ убитъ еще въ Кинбурнѣ; но теперь визирь узналъ отъ бѣглецовъ, что *топалъ-паша* живъ: такъ называли Суворова потому, что онъ одно время хромалъ, печально наколовши себѣ ногу. Страхъ напалъ на всѣхъ; но нужно было идти впередъ. Турки уже подходили къ австрійскому войску, стоявшему на нѣкоторомъ разстояніи отъ русскаго. «Спасите насъ!» писалъ къ Суворову принцъ, оцѣпенѣвшій отъ страха. «Иду!» бодро отвѣчалъ русскій чудо-богатырь. Пришелъ, и что же? предложилъ принцу, не дожидаясь непріятеля идти противъ него. Тотъ ужаснулся: какъ было идти съ 26,000 противъ почти 100,000? но довѣренность его къ Суворову была такъ велика, что онъ не спорилъ. Пошли, или лучше полетѣли, разойдясь потомъ кто направо, кто налево. Походъ совершенъ былъ такъ быстро, нападеніе на турецкій авангардъ сдѣлано было Суворовымъ такъ внезапно, что, услыхавъ канонаду, въ непріятельскомъ лагерѣ никто не вѣрилъ, чтобъ русскій топалъ-паша былъ недалеко и осмѣлился сразиться; а у визиря, пившаго въ это время

кофе, чашка выпала изъ рукъ, и онъ тотчасъ же велѣлъ повѣсить шпиона, донесшаго за два дня до этого, что Русскіе спокойно стоятъ въ довольно неблизкомъ разстояніи отъ лагеря. Авангардъ былъ разбитъ и побѣжалъ, посланные къ нему изъ лагеря на помощь также были разбиты и бѣжали. Въ себя отъ гнѣва, визирь двинулся самъ и всею массою своихъ силъ ударилъ на принца Кобургскаго. Занимая постъ, назначенный ему Суворовымъ, онъ сталъ кареемъ и отстрѣливался отъ непріятеля картечью, или отражалъ нападеніе его штыками, посылая къ Суворову адъютанта за адъютантомъ. «Скажи, чтобы держались, а бояться нечего: я все вижу», былъ отвѣтъ русскаго чудо-богатыря. Давъ войску часъ на роздыхъ, онъ посидѣлъ къ принцу и ударилъ во флангъ непріятеля. Ударъ былъ такъ мѣтокъ и жгучъ, что Турки разсыпались и побѣжали въ лѣсъ. Визирь и приказывалъ, и уговаривалъ, и грозилъ, и показывалъ коранъ (священную турецкую книгу), который былъ у него въ рукахъ, и даже велѣлъ стрѣлять въ бѣжавшихъ: ничто не помогло. Наши устремились въ лѣсъ: Турки бѣжали далѣе, покидая убитыхъ и раненыхъ, пушки и обозы, спасаясь только сами отъ грознаго русскаго топаль-паши. Визирь также не отставалъ отъ нихъ; но онъ не могъ перенести такого позорнаго пораженія, и умеръ, убитый горестью. Долина между лѣсомъ и рѣкою Рымникомъ представляла ужасное зрѣлище смерти, которой жертвы лежали тутъ тысячами, а о добычѣ, доставшейся побѣдителямъ, нечего и говорить. Къ вечеру побѣдоносное войско съ торжествомъ вступило въ лагерь, бывшій на лѣвомъ берегу рѣки, и принцъ Кобургскій не зналъ, какъ благодарить своего друга. Восторгомъ залились сердца у всей арміи, при первомъ извѣстіи объ этой знаменитой побѣдѣ; громомъ пронеслась она по всей Австріи и Россіи. Императрица пожаловала Суворову орденъ св. Георгія 1-й ст., графское достоинство съ наименованіемъ *Рымникскаго*, брильянтовые знаки Андреевскаго ордена и шпагу, осыпанную брильянтами, съ надписью: «*Побѣдителю визиря*». Послѣдовавшее за тѣмъ въ 1790 году взятіе неприступной крѣпости Измаила поставило Суворова на высшую степень военной доблести, на которую вся Европа смотрѣла съ завистью и удивленіемъ.

6. Суворовъ опять въ Польшѣ.

Между-тѣмъ въ Польшѣ разгорѣлось возстаніе, болѣе грозное, чѣмъ прежде конфедератское дѣло. Въ одну ночь съ четверга на

пятницу страстной недѣли, бунтовщики напали въ Варшавѣ на Русскихъ, которые посланы были туда успокоить страну, и перерѣзали сонныхъ и беззащитныхъ (болѣе 2,000 человекъ), камнями бросая изъ оконъ въ бѣжавшихъ. О! до какихъ низкихъ поступковъ не можетъ дойти человекъ, давшій волю своимъ страстямъ! Ужаснулась Императрица, услыхавъ о такомъ безчеловѣчномъ дѣлѣ и послала туда Суворова, сказавъ: «Я посылаю въ Польшу двойную силу — армію и Суворова:» такъ она понимала его, и вотъ что значитъ быть русскимъ чудо-богатыремъ!

Войско, стоявшее въ Польшѣ, съ нетерпѣніемъ ждало прибытія чудо-богатыря. «Пусть-ка пріѣдетъ къ намъ нашъ батюшка-Суворовъ», говорили солдаты: «зададимъ мы острастку Полякамъ: узнаютъ они, гдѣ перецъ растетъ!» Вдругъ по русскому лагерю разнеслось: «Суворовъ пріѣхалъ! Суворовъ пріѣхалъ!» и обрадованные солдаты наперерывъ одинъ предъ другимъ, старались хоть взглянуть на своего *отца*, спрашивая: «гдѣ онъ? гдѣ нашъ родимый?» На лугу близъ лагеря приготовленъ былъ для него сѣнникъ, возлѣ котораго остановилась его телѣжка. Когда онъ вошелъ въ шатеръ, радость мгновенно блеснула на его лицѣ: онъ увидѣлъ тамъ сѣно, разостланное на землѣ, ничѣмъ не покрытое, потому-что оно обыкновенно покрывалось суворовскимъ плащемъ.

Въ сѣнникѣ явились къ нему генералы и полковые командиры. Въ немногихъ словахъ онъ объявилъ имъ волю Императрицы — пораспугать безпокойный народъ и успокоить мирныхъ миромъ, буйныхъ штыкомъ, когда честь не возьметъ. Какъ человекъ съ причудами, онъ потомъ вытянулся и, зажмуривъ глаза, произнесъ: «Войскамъ выступать когда пѣтухъ запоетъ. Идти быстро — полкъ за полкомъ: голова хвоста не ждетъ. Жителей не обижать!» Что за диковинка такая: сигнальнымъ знакомъ въ выступленію въ походъ назначалось пѣніе пѣтуха? Знавшимъ Суворова такой приказъ былъ очень понятенъ. Пошли приготовленія: солдаты чистили оружіе, пересматривали патроны, точили штыки и сабли. Въ семь часовъ вечера (въ августѣ), дѣйствительно запѣлъ пѣтухъ; послышалось: «кукарику! кукарику! кукарику.» Гдѣ? въ сѣнникѣ. Кто тамъ былъ? Суворовъ. Такъ вотъ кто пропѣлъ пѣтухомъ! По данному сигналу, барабанщики ударили въ барабаны, трубачи затрубили въ трубы; загремѣло, затрещало въ воздухѣ. Тревога пошла по всему лагерю: зашевелились, засуетились, въ одинъ мигъ не стало палатокъ, и

корпусъ тысячъ въ четырнадцать готовъ былъ летѣть на смертный бой.

Выступили. Въ полночь данъ былъ роздыхъ. На зарѣ опять послышалось громкое «кукарику!» Всѣ вскочили, вспрыснулись холодной водою, помолились Богу, и опять отправились въ походъ. Обѣзжая ряды и осматривая своихъ чудо-богатырей, Александръ Васильевичъ здоровался со всѣми и со многими разговаривалъ.

— Говорятъ, что у злодѣевъ сила велика, заговорилъ витязь; но мы ихъ поколотимъ, помилуй Богъ, поколотимъ!

— Э, ваше сіятельство, нашъ отецъ! отвѣчали въ одинъ голосъ два гренадера: вѣдь штыкъ-то нашъ молодецъ! по пяти на него мало, по десяти упрячемъ! И пули дуры не пустимъ мимо, когда дѣло до нея дойдетъ: дайте только намъ добраться до неприятеля!

— Молодцы! Помилуй Богъ, какіе вы чудо-богатыри! сказалъ Суворовъ и, обратясь къ одному изъ нихъ спросилъ: какъ тебя зовутъ?

— Воровымъ, ваше сіятельство!

— Такъ будь же ты теперь *Соколомъ*, произнесъ Суворовъ. А тебя какъ? спросилъ онъ у другаго гренадера.

— Голубцовымъ, ваше сіятельство!

— Ну, ты будешь у меня *Орломъ*.

И эти прозвища на всю жизнь остались у двухъ красивыхъ гренадеръ. Вечеромъ, по пробитіи на молитву, Александръ Васильевичъ сталъ посреди войска, снялъ каску и громко самъ прочелъ молитву. Ночью, когда богатыри его спали, онъ нѣсколько разъ вставалъ и, тихонько разговаривая съ часовыми, повторялъ: «Тихе, тихе говорите! пусть спятъ витязи!» Чуть стало разсвѣтать, онъ вскочилъ, перекрестился, обатился холодною водою, одѣлся, захопалъ въ ладоши, и по всему стану опять послышалось протяжное «кукарику!»

Страхъ напалъ на Поляковъ, когда они узнали, что русскими войсками предводительствуетъ Суворовъ. Для ободренія своихъ войскъ, польскіе вожди прибѣгнули къ хитрости: распустили слухъ, что это не тотъ Суворовъ, который некогда воевалъ въ Польшѣ и взялъ Измаилъ, а другой, молодой генералъ, соименникъ его. Но скоро всѣ увидѣли, что это былъ тотъ самый Суворовъ, прежній чудо-богатырь. Первый ударъ нанесъ онъ Сираковскому, который

стоялъ подъ Кобриною въ укрѣпленномъ лагерѣ. Тотъ встрѣтилъ его сильною каповадю: нашъ герой прямо пошелъ на огонь и ударилъ въ штыки, а потомъ конницею смялъ Поляковъ. Они въ безпорядкѣ отступили и понеслись куда глаза глядятъ. Догнавъ ихъ за Брестомъ, Суворовъ снова нагрянулъ на нихъ съ штыками и конницею, и совершенно разбилъ весь корпусъ; Сираковскій едва могъ уйти въ Варшаву. По распоряженію побѣдителя, убитыхъ похоронили въ общей могилѣ на одномъ курганѣ. Суворовъ велѣлъ отслужить общую панихиду, по окончаніи которой произнесъ слѣдующую надгробную рѣчь: «Миръ вамъ, убитые, Царство небесное вамъ, христолюбивые воины, за Православную вѣру, за Матушку-Царицу, за русскую землю павшіе! Миръ вамъ, царство вамъ небесное, богатыри-витязи! Вы приняли вѣнецъ мученической, вѣнецъ славный!... Молите Бога о насъ!»

Прибывъ въ Варшаву, Суворовъ расположился съ своими солдатами въ виду Праги, варшавскаго предмѣстія. Въ разныхъ мѣстахъ пылали костры: кругомъ ихъ сидѣли и ходили русскіе чудо-богатыри, покручивая своими усами и спокойно разсуждая о часѣ, въ который придется кому-нибудь изъ нихъ испить смертную чашу. Въ Варшавѣ въ это время происходили страшные безпорядки; своевольные Поляки и не думали о покорности, которой требовалъ у нихъ Суворовъ, напротивъ засѣли въ Прагѣ, въ числѣ 30,000, вооруживъ стариковъ и даже женщинъ, чтобы защищаться отъ него. Тогда русскому войску, состоявшему только изъ 22,000, данъ былъ приказъ готовиться къ приступу. «Ну, господа Поляки, къ раздѣлкѣ!» говорили гренадеры, крутя усы. «Мы съ вами раздѣлаемся за кровь нашихъ, измѣннически пролитую въ Варшавѣ на страстной недѣлѣ!.. Пора васъ убавлять!» Но такой порывъ русскихъ солдатъ умирять былъ слѣдующими строками приказа: «Въ дома не забѣгать; непріятеля, просящаго пощады — щадить; безоружныхъ не убивать; съ бабами не воевать; малолѣтковъ не трогать». Въ три часа утра взлетѣла ракета, наши чудо-богатыри взяли за оружіе; въ четыре часа — другая, безстрашные построились; въ пять часовъ — третья, и колонны двинулись къ Прагѣ. Огненнымъ дождемъ ядеръ встрѣтили ихъ изъ крѣпости, но чудо-богатыри шли прямо, смѣло, неуклонно. Вотъ предъ ними ровъ и потомъ валъ. Они вспомнили тогда, чтѣ читано было имъ въ приказѣ: «Подошли ко рву, ни секунды не медля, бросай въ него фашииникъ, спускайся въ него, и

ставъ къ валу лѣстницы; охотники стрѣляй врага по головамъ. Шибко, скоро, пара за парой лѣзь? Коротка лѣстница? Штыкъ въ валъ, лѣзь по немъ, другой, третій, товарищъ товарища обороняй! Ставши на валъ, опрокидывай штыкомъ непріятеля и мгновенно стройся за валомъ». Такъ и было сдѣлано. Наши были уже въ крѣпости. Тамъ завязался рукопашный бой: кровопролитіе произошло страшное; земля покрылась трупами. Поляки потерпѣли совершенное пораженіе. Затѣмъ не стало и самой Праги: она загорѣлась отъ взрыва порохового магазина. Стоило ли такихъ жертвъ своеволіе Поляковъ? Но иначе нельзя было потушить пожара, ими произведеннаго. Побѣдитель въѣхалъ на мѣсто, гдѣ была Прага. Раскинули солдатскую палатку, разостлали на землѣ скатерть: онъ угощалъ здѣсь своихъ и плѣнныхъ, возвративъ шпаги послѣднимъ. Въ ту ночь, послѣ двухъ бессонныхъ ночей, онъ въ первый разъ заснулъ въ поставленной для него калмыцкой кибиткѣ.

На другой день, рано утромъ, на Вислѣ показались двѣ лодки съ бѣлыми флагами: то переѣзжали депутаты (выборные), посланные изъ Варшавы просить перемирія хоть на одну недѣлю для заключенія договоровъ. «О, народъ, который самъ не знаетъ, чего онъ хочетъ!» въ изумленіи подумалъ Суворовъ и отвѣчалъ черезъ дежурнаго генерала: «Договоры не нужны. Войско обезоруживается и всякое оружіе отдается Русскимъ. Король утверждаетъ въ своемъ достоинствѣ. Русскіе вступаютъ немедленно въ Варшаву. Жизнь и имѣніе жителей безопасны. Отвѣтъ черезъ 24 часа». Но депутатовъ пригласилъ онъ потомъ къ себѣ въ палатку, гдѣ два обрубка бревна замѣняли у него стулъ и столъ. «Рокдѣ!» (миръ)! воскликнулъ онъ, когда тѣ вошли, и, бросивъ саблю, самъ бросился къ нимъ на встрѣчу съ распростертыми объятіями. Нѣсколько минутъ прошло въ разговорѣ; прагскій герой даже шутилъ съ ними. Депутаты не могли удержаться отъ слезъ, при видѣ такой дружеской встрѣчи и такого ласковаго приѣма. Когда потомъ явились къ нему другіе депутаты съ объявленіемъ, что для очищенія Варшавы отъ войска нужна недѣля: «Ни одного часа!» вскричалъ Суворовъ. «Мы не воюемъ съ Польшою и королемъ ея! О какихъ войскахъ вы мнѣ говорите? Толпа бунтовщиковъ не войско—я посланъ истребить ихъ; я не дипломатъ, и переговоры прекращаются». Выведенный изъ терпѣнія, онъ далъ войскамъ приказъ переправиться черезъ Вислу, отдѣляющую Прагу отъ Варшавы. Горе Полякамъ: и Варшаву мо-

жетъ постигнуть та-же участь, какую испытала на себѣ Прага! Какъ ни судили, ни рядили Поляки, а должны были наконецъ уступить требованіямъ Суворова, котораго стойкость увѣнчалась теперь полнымъ успѣхомъ: чрезъ нѣсколько часовъ привезенъ былъ изъ Варшавы отвѣтъ о безусловной покорности. Въ нашемъ лагерѣ побывалъ тогда Игнатій Потоцкій, одинъ изъ главныхъ возмутителей. Кто-то предложилъ Суворову задержать его; но Александръ Васильевичъ отвѣчалъ: «Постыдно употреблять во зло довѣренность чловѣка, добровольно ко мнѣ пришедшаго! Помните ли стихи Ломоносова?

Великодушный левъ злодѣя низвергаетъ.
Но только хищный левъ лежащаго терзаетъ.

Послѣдовалъ торжественный входъ Русскихъ въ Варшаву. Загремѣла музыка, загрохотали барабаны, и наши выступили изъ Праги. Скромный побѣдитель въ вицмундирѣ безъ орденовъ, окруженный своими генералами, ѣхалъ верхомъ на казацкой лошади. У моста побѣдоносное войско вдругъ остановилось: тутъ ждали Суворова городовые правители. Низко поклонившись, они поднесли ему хлѣбъ-соль вмѣстѣ съ серебряными, позолоченными ключами города, которые донныѣ хранятся въ Петропавловскомъ соборѣ въ Петербургѣ. Возведя очи къ небу, онъ перекрестился, поцѣловалъ ихъ и сказалъ: «Благодарю Бога, что они не такъ дорого куплены, какъ...» тутъ онъ невольно обернулся къ несчастной Прагѣ и утеръ слезы. Шествіе тронулось. Наши вошли въ самую Варшаву. При огромномъ стеченіи народа, ихъ встрѣчали и провожали по всемъ улицамъ громкими криками: «Да здравствуетъ Екатерина! да здравствуетъ Суворовъ! Да здравствуютъ Русскіе!» Прагскій герой остановился въ трактирѣ и послалъ привѣтствовать короля. Тотчасъ привели къ Суворову русскихъ плѣнныхъ, захваченныхъ въ Варшавѣ во время возмущенія. Трогательное произошло тогда зрѣлище: эти страдалцы, нѣсколько мѣсяцевъ томившіеся въ тюрьмѣ, гдѣ ежеминутно угрожала имъ смерть, изъявляли живѣйшую благодарность своему избавителю, падая передъ нимъ на колѣни и цѣлуя у него руки; а Александръ Васильевичъ, въ умиленіи сердца, плакалъ и обнималъ ихъ съ жаромъ самаго искренняго русскаго чувства. На другой день, надѣвши мундиръ со всеми знаками отличій, въ сопровожденіи многихъ генераловъ, онъ торжественно отправился къ королю. Станиславъ встрѣтилъ его низкимъ поклономъ; Суворовъ отвѣчалъ ему знаками глубокаго почтенія. Они долго разговаривали.

Станиславъ просилъ побѣдителя освободить изъ плѣна одного польскаго офицера. «Если угодно, я освобожу вамъ ихъ цѣлую сотню», отвѣчалъ восторженный Суворовъ, «двѣсти», продолжалъ онъ подумавши, «триста, четыреста, такъ и быть, пятьсотъ!» прибавилъ онъ смѣясь. Въ тотъ-же день пятьсотъ плѣнныхъ получили свободу.

Донесеніе Императрицѣ о взятіи Праги и Варшавы въ 1794 году состояло въ слѣдующихъ словахъ: «Всемиловѣйшая Государыня! Ура! Варшава наша!» На этомъ донесеніи Екатерина Великая написала: «Ура! Фельдмаршалъ Суворовъ!» и послала ему фельдмаршальскій жезлъ при собственноручномъ письмѣ. Читая его, вѣрить ли? старикъ отъ радости бѣгалъ и прыгалъ по комнатѣ, цѣлуя вождѣльныя строки и постоянно поглядывая на ту, гдѣ онъ названъ фельдмаршаломъ. Свой восторгъ онъ выразилъ по-своему. Сталъ считать русскихъ фельдмаршаловъ, въ живыхъ осталось только два—Разумовскій и Румянцевъ. «Я третій!» произнесъ честолюбецъ. Сталъ считать всѣхъ генераль-аншефовъ, которые были старше его по службѣ и по старшинству имѣли болѣе права на фельдмаршальское званіе: оказалось девять. «Перескочилъ!» воскликнулъ честолюбецъ. Въ это время, въ самомъ дѣлѣ, онъ перепрыгивалъ чрезъ разставленные среди комнаты стулья. «Мое правило не производить никого не въ очередь», писала къ нему Екатерина, «но вы завоевали чинъ фельдмаршала въ Польшѣ»: вотъ какъ достался ему этотъ чинъ! Кромѣ того, Императрица пожаловала ему еще около 7,000 душъ крестьянъ близъ завоеваннаго имъ Кобрина; король прусскій прислалъ ему ордена Чернаго и Краснаго орла, Императоръ австрійскій—свой портретъ, украшенный брилліантами. А слава его загремѣла еще новымъ громомъ, пророкатывшимъ по всей Европѣ. Когда Станиславъ отрекся отъ престола, Польша раздѣлена была между Россією, Пруссією и Австрією: Россіи достались Литовская и Гродненская области.

На возвратномъ пути Суворова въ Петербургъ губернаторамъ Гродна, Митавы и Риги предписано было почтить героя церемоніальными встрѣчами. Не любилъ Александръ Васильевичъ торжественныхъ встрѣчъ, и, подѣжая къ Гродну, гдѣ губернаторомъ былъ князь Репнинъ, послалъ своего адъютанта просить князя объ отъѣвѣ церемоніала. Имѣя высочайшее повелѣніе Рѣпининъ не согласился; напротивъ, послалъ къ нему на встрѣчу своего адъютанта, чтобъ тотчасъ дано было знать, какъ только покажется дорож-

ный дормезъ фельдмаршала. «А! когда такъ», подумалъ Суворовъ, «такъ я, не спрашиваясь, уйду изъ вашихъ рукъ: вамъ и не видать меня!» Ждутъ. Все готово: войско стояло строемъ, на улицы выступалъ народъ, имя Суворова перелетало изъ устъ въ уста, на лицахъ у всѣхъ была радость, каждый держалъ уже на языкѣ задушевное „ура“, громомъ котораго долженъ былъ огласиться воздухъ, при первомъ появленія героя; съ хлѣбомъ-солью стояли впереди. Адъютантъ Репнина глядѣлъ во всѣ глаза, чтобъ уловить первый мигъ появленія дормеза. Вдали что-то зачернѣлось; онъ смотритъ, мчится кибитка. Когда она поравнялась съ нимъ, онъ спросилъ у пробѣжавшихъ:

— Не слышно ль тамъ, далеко ли ѣдетъ фельдмаршалъ Суворовъ?

— Кажись, что не далеко, отвѣчалъ сидѣвшій на козлахъ: мы отправились гораздо раньше.

— А вы-то кто? спросилъ адъютантъ.

— Я поваръ графа, отвѣчалъ сидѣвшій на козлахъ. Кибитка помчалась. Черезъ нѣсколько минутъ, опять зачернѣлось вдали. Адъютантъ всматривается: дормезъ! еще оглянулся: точно. Лошадь чуяла уже тревожное состояніе своего сѣдока, который готовъ былъ прищипорить ее. Въ это время подъѣзжаетъ къ нему адъютантъ Суворова и говоритъ:

— Прошу васъ довести до свѣдѣнія князя, что фельдмаршалъ пробѣжалъ.

— Когда? въ чемъ? вскричалъ изумленный такою вѣстью адъютантъ Репнина.

— Сейчасъ въ кибиткѣ, которую вы видѣли. А дормезъ идетъ пустой.

— Быть не можетъ, графа тамъ не было... тамъ ѣхали его люди... я разговаривалъ съ поваромъ.

— А видѣли ль вы, кто сидѣлъ за рогожею, которою была закрыта кибитка?

— Неужели тамъ сидѣлъ фельдмаршалъ? воскликнулъ адъютантъ Репнина, и поскакалъ къ князю довести о случившемся.

«Пробѣжалъ!» вдругъ разнеслось по всему городу. Жаль и досадно было всѣмъ, что не могли достойнымъ образомъ встрѣтить героя, который очень былъ радъ, что такъ удалось ему избѣжать церемоніальной встрѣчи. Въ Митавѣ и Ригѣ церемоніалы были от-

мѣнены, по убѣдительной просьбѣ Суворова. Но ничѣмъ не могъ онъ удержать народъ, который вездѣ стерегъ его по дорогѣ и оглашалъ воздухъ кликами: «ура, Суворовъ!» Александръ Васильевичъ отъ радости плакалъ и только повторялъ про себя: «Помилуй Богъ, Помилуй Богъ! они уморятъ меня!» Наконецъ онъ прибылъ въ Стрѣльну, откуда съ увѣдомленіемъ послалъ въ Петербургъ къ графу Зубову своего адъютанта. Въ столицѣ вдругъ заговорили о пражскомъ героѣ. Екатерина Великая уважала Суворова, велѣла узнать всѣ его привычки и оказывать особенное вниманіе даже къ причудамъ его. Во дворцѣ вынесена была дорогая мебель изъ тѣхъ покоевъ, чрезъ которые ему нужно было проходить; а зеркала и картины были завѣшаны потому только, что Александръ Васильевичъ былъ отъявленный врагъ роскоши. На другой день въ Стрѣльну прибыла великолѣпная придворная карета, запряженная восемью лошадьми. Графъ Зубовъ привѣтствовалъ фельдмаршала отъ имени Императрицы, и пригласилъ его занять мѣсто въ парадной восьми-оконной каретѣ. Одѣвшись въ полный фельдмаршальскій мундиръ, со шляпою въ рукахъ, Суворовъ сѣлъ въ карету безъ шубы, хотя былъ довольно сильный морозъ. Закаленный для холода, онъ не чувствовалъ его, и будто отъ излишней теплоты велѣлъ даже опустить окно въ каретѣ: каково было генераламъ, его сопровождавшимъ, которые привыкли къ шубамъ, но, слѣдуя его примѣру, и подумать не могли о шубахъ! Съ нетерпѣніемъ ждали они пока пріѣдутъ въ Петербургъ, и очень обрадовались, когда карета остановилась у зимняго дворца. Суворовъ выпрыгнулъ изъ кареты и побѣжалъ къ Императрицѣ.

Съ особеннымъ почетомъ приняла его Государыня: милостиво выслушала рассказъ его о всемъ случившемся въ Польшѣ; благодарила его за подвиги и ласково съ нимъ разговаривала. Вопросъ Императрицы: «Всѣ ли по заслугамъ награждены?» вдругъ произвелъ въ немъ перемѣну, которая тотчасъ отразилась въ его глазахъ и на лицѣ: оставался одинъ майоръ, еще не награжденный.

— Виновать, Матушка-Государыня! произнесъ Суворовъ. Прости меня, виновать! Промотрѣлъ! Позабылъ одного майора, который и теперь лежитъ раненый. Правда, онъ самохваль, но храбрый офицеръ. Виновать, прости мнѣ, Всемилостивѣйшая Государыня!

— Вину вашу, Александръ Васильевичъ, легко можно исправить, съ улыбкою возразила Екатерина, желая успокоить такъ

сильно встревоженнаго старца. Майору дано почувствовать, что онъ не совсѣмъ правъ; нужно же отдать справедливость и его храбрости. Садитесь и напишите ему достойную награду.

Необыкновенно обрадованный такою милостивою волею Государыни, Александръ Васильевичъ сѣлъ и написалъ повелѣнiе въ слѣдующихъ словахъ: «Господинъ секундъ-майоръ! Всемилостивѣйшая Государыня наша, Матушка-Царица, всемилостивѣйше пожаловала вамъ: за Мачивъ—чинъ, за Брестъ—крестъ, за Прагу—золотую шагу, за долгое терпѣнье—сто душъ въ награжденье». Соизволяя на такую награду съ особеннымъ удовольствiемъ, Императрица сказала: «Вотъ это хорошо, Александръ Васильевичъ! Запечатйте же эту бумагу, и мы тотчасъ отправимъ ее». Тронутый до глубины души, фельдмаршалъ упалъ въ ноги Государыни, повторяя: «Виновать, Матушка-Царица! Позабылъ достойнаго! Поднимая его и поцѣловавъ въ голову, Императрица сказала: «вѣдь вина ваша исправлена. Пусть только господинъ самохвалъ получить эту бумагу: онъ не будетъ сердиться. А я охотно забываю вашу вину».

Для жительства Суворова назначенъ былъ Таврической дворецъ, въ которомъ онъ избралъ для своего помѣщенiя маленькую комнату, приказавъ пуховики замѣнить сѣномъ. Онъ не измѣнялъ своего образа жизни, и оставался при своихъ странностяхъ. Много анекдотовъ ходило о немъ въ народѣ! Рассказывали и о водочкѣ, которой онъ просилъ у Государыни, и о собольей шубѣ, которую она ему подарила. Разъ на балу Императрица спросила его:

— Александръ Васильевичъ! Чѣмъ могу васъ потчевать?

— Будь милостива, Матушка-Государыня! Вели дать водочки!

— А красавицы что скажутъ, услыхавъ отъ васъ запахъ водки?

— Ничего, Матушка! они увидятъ, что Суворовъ—солдатъ.

Императрица не разъ упрекала его, что онъ ѣздитъ зимою безъ шубы: «Ахъ, Александръ Васильевичъ! какъ вы не бережете себя, не бережете своего здоровья! говорила она, и подарила ему дорогую соболью шубу. Суворову хотѣлось исполнить волю Государыни и въ то же время остаться при своемъ обыкновенiи: онъ счумѣлъ эти сдѣлать почти безъ всякаго противорѣчiя. Отправляясь во дворецъ, бралъ съ собою слугу: во всю дорогу слуга держалъ шубу на рукахъ, а когда приходилось выходить изъ кареты, надѣвалъ ее на фельдмаршала. «Не смѣю ослушаться Императрицы», говорилъ Суворовъ: «шуба со мной, а нѣжиться солдату нехорошо!»

7. Суворовъ въ Коншанскомъ и въ Вѣнѣ.

Съ востествомъ на престолъ Императора Павла Петровича, въ судьбѣ Суворова произошла перемѣна. У него было много враговъ: чего своими кознями они не могли сдѣлать ему при Екатеринѣ Великой, то успѣли сдѣлать ему при сынѣ ея, молодомъ Императорѣ. Около мѣстечка Тульчина, гдѣ течетъ рѣка Днѣстръ, Суворовъ сформировывалъ армию, предназначавшуюся въ походъ противъ Французовъ, какъ получилъ приказъ сдать начальство надъ нею другому! На прощаніи съ своимъ любимымъ Фанагорійскимъ полкомъ, который выстроенъ былъ на Тульчинской площади, онъ говорилъ рѣчь своимъ солдатушкамъ, увѣщевая ихъ быть вѣрными Государю и послушными своимъ начальникамъ. «Прощайте, ребята-товарищи, чудо-богатыри» говорилъ онъ... «Молитесь Богу! не пропадетъ молитва за Богомъ и служба за Царемъ! Мы еще увидимся, мы еще будемъ драться вмѣстѣ! Суворовъ явится среди васъ!» Солдаты залились горькими слезами. Подозвавъ одного изъ нихъ, фельдмаршалъ обнялъ его, зарыдалъ и побѣждалъ на свою квартиру. Телѣжка стояла уже у крыльца; онъ сѣлъ въ нее и помялся въ Москву, гдѣ у него былъ собственный небольшой домъ, въ которомъ жила дочь его съ семействомъ.

Ничто такъ не тревожило враговъ Суворова, какъ жителство его въ Москвѣ: приближалось время священнаго коронованія Государя, и первопрестольная столица нетерпѣливо ждала Царя. Чтѣ если фельдмаршалъ встрѣтится здѣсь съ Императоромъ! всѣ коварные ихъ умыслы лопнуть, какъ мыльные пузыри. Они представили тогда Государю прощаніе Суворова съ солдатами въ Тульчинѣ въ превратномъ видѣ и дали свой толкъ пребыванію его въ Москвѣ. Фельдмаршалу велѣно было жить въ деревнѣ. Огорчился старецъ, когда чиновникъ объявилъ ему объ этомъ; но зная настоящую причину такой опалы, онъ довольно сповоино спросилъ чиновника:

— Сколько времени дается миѣ на сборы!

— Четыре часа, отвѣчалъ тотъ.

— Слишкомъ много! Не только въ деревню, но бить Турокъ и Поляковъ собирался я въ часъ.

Онъ взялъ подъ мышку небольшой ящикъ съ бумагами, накинулъ на себя старый свой плащъ, простился съ родными и сказалъ чиновнику: «я готовъ!» Вышли на крыльцо: Суворовъ смотритъ,

стоитъ дорожная карета. Для чего мнѣ карета? и во дворецъ царскій ѣзжалъ я въ почтовой телѣжкѣ!» сказалъ онъ и воротился въ комнату. Принуждены были перемѣнить карету на телѣжку. Фельдмаршалъ сѣлъ въ любимый свой экипажъ, и помчался въ Новгородскую губернію, гдѣ въ Боровичскомъ уѣздѣ было родовое его сельце Коншанское, въ которомъ онъ жилъ въ дѣтствѣ. Чиновникъ, слѣдовавшій за нимъ съ нѣсколькими служителями, остался при немъ въ деревнѣ. Вѣрно враги не пожалѣли черныхъ красокъ, при изображеніи своего нелюбимца, когда дошло до этого!

Одиноко пришлось жить Суворову въ Коншанскомъ; только и было для него развлеченія, что онъ ѣздилъ въ гости къ сосѣдямъ-помѣщикамъ, которые, считая для себя особенною честію видѣть у себя такого знаменитаго гостя, называли его именемъ самаго мѣстности, имъ посѣщеннаго. Такъ въ Самаринѣ, которое теперь принадлежитъ женѣ контръ-адмирала А. Г. Епанчиной, роща, гдѣ фельдмаршалъ пилъ чай, названа *суворовскою*. Мѣстность этого имѣнія такъ сложилась, что кругомъ его виды, точно швейцарскіе, которыми любовался Суворовъ, не думая, не гадая, что ему скоро придется побывать и въ самой Швейцаріи. Живя одиноко въ Коншанскомъ онъ былъ бодръ и веселъ, предавшись обычнымъ своимъ занятіямъ. Видѣли, какъ онъ хлопоталъ надъ постройкою двухъ небольшихъ домиковъ; какъ заботился о благосостояніи своихъ крестьянъ, занимаясь съ ихъ дѣтьми въ заведенныхъ имъ школахъ, что дѣлалъ нѣкогда и въ Ладогѣ. Видѣли, какъ въ праздничные дни рано утромъ фельдмаршалъ ходилъ на колокольню и звонилъ, какъ постоянно бывалъ у заутрени и обѣдни, исправляя должность дьячка и попомаря; пѣлъ на клиросѣ, читалъ Апостоль, подавалъ священнику кадило. Видѣли, какъ, одѣтый въ холщевую куртку, онъ бѣгалъ и прыгалъ съ крестьянскими дѣтьми по деревнѣ, вмѣшивался въ ихъ игры, мирилъ ссоры и споры. Видѣли, какъ по вечерамъ онъ уединялся въ выстроенный имъ въ саду домикъ, состоявшій изъ одной комнаты, гдѣ разложены были географическія карты, планы походовъ и книги, за которыми онъ просиживалъ иногда до утренней зари. Но не видѣли и не слышали неудовольствія, жалобъ, ропота, потому-что онъ отдавалъ себѣ разумный отчетъ во всемъ, съ нимъ случившемся.

Въ это время буйные Французы съ оружіемъ въ рукахъ слишкомъ много накуролѣсили не только въ своей странѣ, но и въ дру-

гихъ государствѣхъ, низвергая съ престоловъ королей, овладѣвая ихъ королевствами, разумѣется, не безъ пролитія крови, и распоряжаясь вездѣ по-своему. Ими предводительствоваль тогда отличный полководецъ, генераль Наполеонъ-Бонапартъ, впослѣдствіи сдѣлавшійся ихъ императоромъ, помимо законнаго ихъ короля Людовика XVIII. Нашъ Государь сначала не хотѣлъ вмѣшиваться въ чужія дѣла; но потомъ увидѣлъ необходимость принять участіе въ войнѣ съ Французами, и послалъ на помощь Австрійцамъ русское войско, подъ начальствомъ генерала Розенберга. Но австрійскій Императоръ Францъ, зная геройство Суворова, просилъ нашего Государя прислать къ нему для предводительствованія войсками этого чудо-богатыря. Тогда великодушный нашъ Императоръ собственною рукою написалъ слѣдующее письмо къ Суворову.

Графъ Александръ Васильевич!

Теперь намъ не время разсчитываться. Виноватаго Богъ проститъ. Римскій Императоръ требуетъ васъ въ начальники своей арміи и вручаетъ Вамъ судьбу Австріи и Италіи. Мое дѣло на сіе согласиться, а ваше спасти ихъ. Поспѣшите пріѣздомъ сюда и не отнимайте у славы вашей времени, а у меня удовольствія васъ видѣть. Пребываю вамъ доброжелательнымъ.

« П а в е л ь ».

Дрогнули враги Суворова, узнавъ о такой милостивой волѣ Монарха, и подумывали, что-то будетъ теперь съ ними! А фельдмаршалъ прослезился отъ радости, когда читалъ письмо Императора. Поцѣловавъ нѣсколько разъ драгоценныя строки, побѣжалъ въ церковь и велѣлъ служить молебенъ, сталъ на колѣни, молился, пѣлъ и плакалъ. Въ домѣ, на дворѣ и по всей деревнѣ произошла страшная суматоха: все торопилось въ дорогу. Слугѣ данъ былъ слѣдующій письменный приказъ: «Часъ собираться, другой отправляться. Ъду съ четырьмя товарищами. Приготовить 18 лошадей. Денегъ взять на дорогу 250 рублей. Егорѣѣ бѣжать къ старостѣ Фомкѣ и сказать, чтобъ такую сумму повѣрилъ. Ъду не на шутку; да вѣдь я же служилъ здѣсь дьячкомъ и пѣлъ басомъ, а теперь ѣду пѣть Марсомъ (т. е. на войну)». Въ нѣсколько часовъ фельдмаршала уже не было въ деревнѣ.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, Суворовъ представился Государю. У Монарха и подданнаго слезы выступили изъ глазъ. Фельдмаршалъ

повергся къ ногамъ Императора; Государь поднялъ его, поцѣловалъ и крѣпко обнялъ. Нѣкоторое время оба безмолвствовали. Пропешедшее кануло въ вѣчность. Милость слѣдовала за милостію. Монархъ самъ надѣлъ на него цѣпь ордена св. Іоанна Іерусалимскаго большаго креста; по первой его просьбѣ наградилъ чиновника, жившаго при немъ въ деревнѣ; принялъ на службу недавно отставленныхъ отъ службы его любимцевъ, друзей и родственниковъ. Въ передней Суворова съ ранняго утра тѣснилось множество посѣтителей, выжидавшихъ одного привѣтливаго его взгляда. Тутъ были, сказать ли? и враги его, увы! въ униженномъ видѣ. Александръ Васильевичъ вспомнилъ тогда свои странности, шутки и проказы. «Какъ всё вы помолодѣли, похорошѣли въ мое отсутствіе», сказалъ онъ имъ: «а я старая кокетка, смѣюсь и не боюсь». Это одинъ анекдотъ о Суворовѣ, а сколько ихъ было по этому случаю! Съ друзьями онъ также шутилъ по-прежнему: разъ во время очень серьезнаго разговора съ Ростовчинимъ, любимцемъ Государя, Суворовъ вдругъ остановился и запѣлъ свое любимое «кубарику!» ♦

— Какъ это можно! воселикнулъ Ростовчинъ.

— Поживи съ мое, запоешь курицей! отвѣчала Суворовъ.

Другой разъ, собираясь въ дорогу, когда по комнатѣ были разложены чемоданы и разныя дорожныя вещи, фельдмаршалъ, вспомнивъ свою прежнюю удалъ, сталъ прыгать черезъ нихъ, и сказалъ знакомымъ, которые вошли къ нему въ это время: «Учусь прыгать: вѣдь въ Италію-то прыгнуть—ой, ой! великъ прыжокъ, поучиться надобно!»

Быстро летѣлъ русскій орелъ къ мѣсту своего назначенія, не зная отдыха ни днемъ, ни ночью. Только по дорогѣ посѣтилъ онъ Людовика XVIII, который жилъ въ Митавѣ, во время невзгодъ Франціи. Русскій человекъ изъяснилъ французскому королю радость, что идетъ положить за него свою голову или возвестъ его на престолъ предковъ. «Я забываю мои бѣдствія», сказалъ растроганный Людовикъ: «и вѣрю, что буду счастливъ, если Богъ вручилъ судьбу Франціи и короля ея мечу Суворова. Какъ-только онъ прибылъ въ Вѣну, поднялась вся австрійская столица: тамъ нетерпѣливо ждали этого чудо-богатыря, довольно напуганные уже Французами. «Онъ насъ защититъ, онъ избавитъ насъ отъ бѣды»: такъ думали Вѣнцы и, пламенѣя къ нему благоговѣніемъ и надеждою, жаждали встрѣчи съ нимъ, одного взгляда на героя. На другой день, наперерывъ одинъ предъ другимъ, торопились на тѣ улицы, по которымъ ему нужно

было проѣзжать, а та, гдѣ онъ остановился, просто загромождена была народомъ; окна переполнились зрителями, самыя крыши не остались не занятыми. Вотъ онъ выѣхалъ въ каретѣ, желая представиться австрійскому Императору. Его оглушили криками: «Да здравствуетъ Суворовъ!» Толпы устремились за его каретою, и вся движущаяся масса вдругъ остановилась у дворца, гдѣ отъ тѣсноты не было прохода. Герой слушалъ радостный привѣтъ, глядѣлъ на шумное движеніе народа и безмолвствовалъ, пока наконецъ, выйдя изъ кареты и обернувшись къ Австрійцамъ, не закричалъ имъ по-нѣмецки: «Австрійцы храбры, Русскіе непобѣдимы! Мы будемъ бить Французовъ. Ура! да здравствуетъ Императоръ Францъ?» Ему отвѣтили новымъ громомъ радостныхъ восклицаній. Францъ принялъ Суворова съ великими почестями, и объявилъ ему чинъ австрійскаго фельдмаршала. Вѣна желала чѣмъ нибудь ознаменовать пріѣздъ русскаго чудо-богатыря, и въ честь его устроили обѣды, пиры и увеселенія; но онъ отказался отъ всѣхъ торжествъ, какъ по непривычкѣ своей къ нимъ, такъ и по случаю бывшаго тогда великаго поста. Фельдмаршалъ не отказался только отъ торжественной встрѣчи, какою назначено было почтить русскія войска, проходившія чрезъ Вѣну: въ сопровожденіи Императора, при великомъ стеченіи народа, онъ явился среди своихъ солдатшекъ: восторгъ былъ необыкновенный. Еще хотѣлось ему видѣться съ принцемъ Кобургскимъ: друзья сошлись, залились слезами и крѣпко обнимали другъ друга.

8. Суворовъ въ Италиі.

Изъ Вѣны Суворовъ отправился въ Италію, гдѣ находились уже русскія войска. Онъ такъ былъ увѣренъ въ успѣхѣ дѣла, что, когда изъявили ему сожалѣніе, по случаю ушиба отъ упавшаго въ рѣку дормеза, при проѣздѣ чрезъ горы, онъ отвѣчалъ: «Ничего! жаль только, что церковныя ноты мои подмокли: боюсь, что не по чѣмъ будетъ пѣть: *Тебѣ Бога хвалимъ!*» Въ городѣ Веронѣ жители остановили его экипажъ, выпрягли лошадей и на себѣ повезли его до назначеннаго ему дома, при громогласныхъ кликахъ: «да здравствуетъ нашъ освободитель!» Въ покояхъ, для него приготовленныхъ зеркала были завѣшаны: и Итальянцамъ извѣстна была эта странность Суворова.

Тотчасъ представились къ нему австрійскіе и русскіе генералы, духовенство, дворянство, лица городскаго управленія и депутаты

разныхъ сословій. Принявъ благословеніе отъ архіепископа и выслушавъ рѣчь депутатовъ, Суворовъ въ немногихъ словахъ объявилъ имъ цѣль своего пріѣзда—изгнать изъ Италіи безбожныхъ, сумасбродныхъ Французовъ, возстановить спокойствіе народовъ, защитить престолы и вѣру христіанскую. Онъ просилъ архипастыря возслатъ молитвы къ Богу за Государей и христіолюбивое воинство, напомнилъ дворянству и чинамъ городскаго управленія ихъ долгъ вѣрности и усердія къ законному правительству и отпустилъ ихъ. Когда въ залѣ остались одни русскіе генералы и немногіе изъ австрійскихъ, онъ обратился къ Розенбергу, и, зажмуривъ глаза, сказалъ: «Ваше высокопревосходительство, Андрей Григорьевичъ! познакомьте же меня съ господами генералами». Розенбергъ сталъ представлять ему всѣхъ бывшихъ тутъ генераловъ. Услыхавъ незнакомую фамилію, Суворовъ открывалъ глаза, осматривалъ представляемаго съ ногъ до головы, кланялся ему и говорилъ: «Помилуй Богъ, не слыхалъ! познакомимся!»

— Генераль-майоръ Милорадовичъ! произнесъ Розенбергъ.

— Миша!.. Это ты? вскричалъ Суворовъ, пристально всматриваясь въ него.

— Я, ваше сіятельство!

— Я зналъ васъ вотъ такимъ, продолжалъ Суворовъ, показывая рукою на аршинъ отъ пола, и вѣдалъ у вашего батюшки Андрея пироги. Какіе были сладкіе... какъ теперь помню! Помню и васъ, Михайло Андреевичъ!.. Вы славно тогда ѣздили на палочкѣ!.. Поцѣлуемъ, Михайло Андреевичъ! Ты будешь герой! Ура!

— Буду стараться оправдать довѣренность вашего сіятельства, сказалъ сквозь слезы Милорадовичъ.

— Генераль-майоръ князь Багратіонъ! произнесъ Розенбергъ.

— Князь Петръ?... Ты ли это, Петръ?... Помнишь ли... подъ Очаковымъ... съ Турками... въ Польшѣ? спросилъ Суворовъ, бросившись къ нему на шею, обнимая его, цѣлуя въ лобъ, глаза, губы.

— Нельзя не помнить, ваше сіятельство, того счастливаго времени, когда я служилъ подъ вашею командою, отвѣчалъ Багратіонъ со слезами на глазахъ.

На другой день данъ былъ приказъ о выступленіи въ походъ. Для солдатъ не страшна была теперь война: подъ начальствомъ непобѣдимаго и себя считали они непобѣдимыми. «Хоть на какого супостата пойдемъ мы теперь!» говорили они: «когда батюшка нашъ Суворовъ съ нами, и побѣда будетъ наша». Воображая себѣ впереди

удачи, побѣды, они бодро шли къ назначенному посту. Съ крикомъ — «вивать Русскіе» вездѣ встрѣчали и провожали нашихъ чудо-богатырей толпы Итальянцевъ всѣхъ сословіи пѣшкомъ, на таратайкахъ и въ коляскахъ: виѣшивались въ ряды ихъ, здоровались съ ними, жали имъ руки, потчивали ихъ виномъ, хлѣбомъ и табакомъ; съ любопытствомъ смотрѣли на бородатыхъ казаковъ, которыхъ прежде считали за людоѣдовъ; удивлялись благочестію и набожности русскихъ солдатъ, которые, проходя мимо каждой католической церкви, останавливались и крестились. Нашимъ было весело, а въ радости поется: горы и долины Италіи впервые огласились тогда звуками русской пѣсни.

Ахъ! какъ у насъ-то было на святой Руси.
У коренныхъ было у Русскихъ!

Пронеслась вѣсть намъ-солдатушкамъ,
Вѣсть радостная во походъ ити.

Пишетъ цесарскій Царь, пишетъ, проситъ
Нашего Царя-Батюшку.

Ой ты гой еси! Православный Царь!
Славянскій всея Руси!

Помоги ты мнѣ Царю, Царю бѣдному,
Царю римскому, нѣмецкому,

Разорили меня, погубили меня
Французишки безбожные:

Бьютъ на пропалую мои войска цесарскія;
Нѣтъ у меня генерала славнаго!

Помоги ты мнѣ, русскій Царь-Батюшка,
Сохранить мое царство бѣдное!

Ты пришли-ка, пришли, Православный Царь,
Свои войска богатырскія.

Ты пришли-ка, пришли, мой отецъ родной,
И своего Суворова, графа Рымнянскаго!

До вѣку вѣчнаго не забудеть тебя
Мое царство бѣдное!

Произошло шесть небольшихъ сраженій, изъ которыхъ Суворовъ вышелъ побѣдителемъ. Вѣрный своей тактикѣ: *глагольтръ, быстрота и натискъ*, онъ леталъ и поражалъ Французовъ, не успѣвшихъ довольно надивиться его быстротѣ и храбрости: городъ освобожденъ за городомъ: крѣпость сдавалась за крѣпостью. Но вотъ случились еще двѣ большія, грозныя битвы: одна была при рѣкѣ Требій, другая у города Нови, обѣ въ 1799 году.

Требійская битва представляетъ торжество Суворова надъ Махдональдомъ. Этотъ генералъ съ своимъ корпусомъ стоялъ на довольно далекомъ разстояніи отъ другой части французскихъ войскъ,

бывшихъ подъ начальствомъ Моро. Французскимъ вождямъ нужно было соединиться, русскому полководцу нужно было не допустить такого ихъ соединенія: по одиночкѣ легче разбить, чѣмъ вдругъ обоихъ. Тѣ стали хитрить и разными маневрами старались ввести въ обманъ русскаго человѣка. Не на того напали: нашъ орелъ издалека видѣлся; онъ проявлялъ заморскія хитрости и отвѣчалъ на нихъ русскою смышленостію. Онъ началъ такія странныя движенія войскъ, что Моро и Макдональдъ спутались въ своихъ расчетахъ. Тогда, призвавъ на помощь русскую молодецкую храбрость онъ самъ напалъ на Макдональда. Битва продолжалась три дня. Ожесточеніе было одинаковое съ обѣихъ сторонъ. При сильномъ натискѣ Французовъ произошло подъ конецъ невольное отступленіе Русскихъ. Багратіонъ прискакалъ къ Суворову, въ изнеможеніи отъ зноя лежавшему у камня, и донесъ, что войска утомлены до крайности, и ружья худо стрѣляютъ. «Коня!» закричалъ герой и понесся въ битву. Откуда взялись у солдатъ силы, когда они увидѣли своего батюшку—Суворова впереди; самыя ружья стали стрѣлять. «Заманивайте!» крикнулъ Суворовъ: наши отступили шагъ на полтора. «Стой!» скандовалъ онъ: линія отступавшихъ въ одно мгновеніе остановилась и стояла, какъ каменная стѣна. Въ это время наши осыпали непріятеля картечью и ядрами. «Впередъ! въ штыки! ура! прогремѣлъ Суворовъ: наши двинулись, давъ полную волю штыку-молодцу. Французамъ показалось, что къ намъ прибыли свѣжія подкрѣпленія: они смѣшались и стали отступать. Макдональдъ, тяжело раненый и командовавшій уже на носилкахъ, съ мужествомъ оспаривая каждый шагъ, не хотѣлъ оставлять поля сраженія; но его уговорили, совѣтъ генераловъ рѣшилъ, что съ Суворовымъ нельзя ничего сдѣлать. Во все время этой битвы фельдмаршалъ безъ мундира, въ рубашкѣ, на казачьей лошади являлся повсюду, и только личное его присутствіе остановило успѣхъ непріятеля. Въ этой битвѣ принималъ участіе и Великій Князь Константинъ Павловичъ, раздѣлявшій съ солдатами труды ихъ походовъ, ходившій съ ними пѣшкомъ даже въ проливной дождь и отдохавшій во время приваловъ на мокрой травѣ.

При Нови Французами командовалъ молодой, но храбрый генералъ Жубертъ, смѣнившій Моро. «А! видно, Жубертъ, молодой человѣкъ, пріѣхалъ поучиться!» говорилъ Суворовъ: «дадимъ ему урокъ!» и первый началъ битву. Французы имѣли крѣпкую позицію,

защищенную горами. И всходить на гору не легко: каково же было всходить туда подъ градомъ пуль на встрѣчу непріятели, не давшаго даромъ ни одного шага! Наши чудо богатыри объ этомъ не разсуждали и по слову своего любимаго начальника устремились на высоты. Бой былъ отчаянный. Видя поражение своихъ, Жубертъ бросился ободрять солдатъ и былъ смертельно раненъ. Это ожесточило Французовъ, надъ которыми принялъ начальство Моро, тутъ же находившійся. Ослѣпились люди: дрались, какъ львы. Высоты горъ пореходили изъ рукъ въ руки. Тогда Суворовъ самъ бросился въ ряды солдатъ, вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ Константиномъ Павловичемъ. «Ко мнѣ!.. Сюда, братцы!.. Вей штыкомъ, колоти прикладомъ!.. Ухъ, махни! головой тряхни!.. Мы русскіе... впередъ, чудо-богатыри... ура! съ нами Богъ!» кричалъ онъ. «Въ слѣпотѣ изступленной храбрости, подъ градомъ смертоносныхъ орудій, не думая о превосходствѣ непріятельской позиціи, презирая неминуемую смерть, бросились русскіе солдаты. Сугубо возстали на нихъ смерть и бѣдствіе, но ободряемыхъ примѣромъ вождей ихъ уже невозможно было удержать». Такъ говорилъ потомъ Суворовъ въ реляціи, и вотъ какими показали себя Русскіе! Моро видѣлъ невозможность продолжать битву и отступилъ.

Въ четыре мѣсяца Италия была свободна отъ власти Французовъ, въ рукахъ которыхъ оставались еще два-три города: взято было 25 крѣпостей, 80,000 плѣнныхъ, а объ остальномъ нечего и говорить. Не чудеса ли производилъ Суворовъ? и о немъ ли нельзя было сказать?

Ступить на горы—горы трещать,
Ляжетъ на воды—воды кипятъ.
Граду коснется—градъ упадаетъ,
Вашни рукою за облакъ кидаетъ.

Ахнулъ Наполеонъ Бонапартъ, воевавшій въ то время въ Египтѣ, когда узналъ о дѣлахъ русскаго чудо-богатыря, и въ досадѣ на Французовъ сказалъ: «Безумцы! они погубили всѣ мои побѣды? Суворовъ уничтожилъ въ одинъ походъ годы трудовъ моихъ!» Въ восторгѣ былъ русскій Императоръ, получавшій донесеніе за донесеніемъ о побѣдахъ Суворова, за которыя повелѣвалъ возсылать въ церквахъ благодарственное моленіе Господу Богу, съ провозглашеніемъ многолѣтія *высокопоставленному фельдмаршалу* графу Суворову-Рымникскому. При этомъ одинъ разъ сынъ героя, бывшій въ церкви, заплакалъ и упалъ на колѣни предъ Императо-

ромъ. «Хвалю за любовь къ отцу», произнесъ Монархъ, и, пожаловавъ его въ генераль-адъютанты, послалъ въ Италію, сказавъ ему на прощаньи. «Учись у отца побѣждать враговъ!» Курьеръ за курьеромъ летали изъ Петербурга въ Италію съ наградами фельдмаршалу, съ рескриптами Государя. Государь между-прочимъ писалъ: «Бейте Французовъ, а мы будемъ бить вамъ въ ладоши и молиться за васъ Богу»; или, посылая титулъ князя съ наименованіемъ *святѣйшаго и италійскаго*: «Да сохранится въ вѣкахъ память дѣлъ Суворова, въ четыре мѣсяца освободившаго Италію и возстановившаго царства и законныя власти»; или, послѣ побѣды при Нови: «Не знаю, кому пріятнѣе: вамъ ли побѣждать, или мнѣ награждать васъ, хотя мы оба исполняемъ свое дѣло. Я, какъ Государь, вы какъ полководецъ; но я уже не знаю, что вамъ дать: вы поставили себя выше всякихъ наградъ». Послѣ этого велѣно было отдавать Суворову, даже въ присутствіи Государя, всѣ воинскія почести, подобно отдаваемымъ Особѣ Его Императорскаго Величества. Рады были побѣдамъ Суворова и Англичане; они пили за его здоровье, писали въ честь его стихи, выбили медаль съ его изображеніемъ, съ жадностію читали книжки о его подвигахъ, въ память его придумали шляпы *суворовскія*, пироги *суворовскіе*. Объ Итальянцахъ нечего и говорить: они не знали, какъ встрѣчать своего освободителя, чѣмъ его дарить. Какъ же отблагодарили Суворова Австрійцы, которые призвали его къ себѣ и для которыхъ онъ сдѣлалъ все, что они хотѣли? Они отблагодарили его оскорбленіемъ, тяжкою обидою: сначала вмѣшивались въ его распоряженія и часто дѣйствовали наперекоръ ему, потомъ стали завидовать его блистательнымъ побѣдамъ, наконецъ предложили ему, когда еще дѣло не было кончено, сдать армію австрійскому генералу и съ русскими войсками идти въ Швейцарію, гдѣ Французы также успѣли довольно накуролѣсить. «Иду!» вскрикнулъ герой; «но горе тѣмъ, кто посылаетъ меня. Я билъ, но не добилъ Французовъ и злоумышленники раскаются, но будетъ поздно!» Пригнула вся Италія, узнавъ, что Суворовъ и русскія войска оставляютъ ее.

9. Суворовъ въ Швейцаріи и въ Петербургѣ.

Путь въ Швейцарію лежалъ черезъ высочайшія Альпійскія горы, именно черезъ Сенъ-Готардъ. Суворовъ самъ избралъ этотъ путь, чтобы скорѣе соединиться съ русскими войсками, бывшими подъ на-

чальствомъ Римскаго-Корсакова, который дѣйствовалъ тамъ противъ Французовъ. Побѣдоносное войско устремилось на гору, поднимаясь все вверхъ, да вверхъ; а фельдмаршалъ въ синемъ плащѣ, въ круглой шляпѣ съ большими полями, ѣхалъ на казацкой лошади. Швейцарецъ Антоній Гамба, въ домѣ котораго онъ останавливался, такъ полюбилъ героя, что не хотѣлъ съ нимъ разставаться и былъ путеводителемъ его въ горахъ. Дорогъ тутъ не было; были только узенькія, вившіяся змѣей, тропинки, по которымъ припѣваючи пробирались наши солдатуски. Тогда и осень собралась съ своимъ ливнемъ-дождемъ, который какъ изъ ведра окачивалъ ихъ; они, промокнувши до послѣдней нитки, шли себѣ впередъ, будто ни въ чемъ не бывало. Только шагъ свой приходилось имъ не разъ перемѣнять: отъ дождя тропинки сдѣлались скользкими, идти не было возможности, нужно было карабкаться, даже влзнуть въ мѣстахъ глинистыхъ, выкарабкиваясь потомъ оттуда. То-то молодецкую удачу показали тогда Суворовцы! Но вотъ и тропинки исчезли! предъ ними голыя скалы; ни взяться, ни держаться не за что; какъ попасть туда? На этотъ случай Французы придумали подбить гвоздями подошвы башмаковъ остріями внизъ; у нашихъ отъ продолжительныхъ походовъ и сапоги были безъ подошвъ, а израненныя ноги офицеры обвертывали фалдами, обрѣзанными у мундировъ. Нужда остритъ разумъ: и русскіе люди скоро превозмогли и эту трудность, очутившись на верху голыхъ скалъ. Сень-Готардъ хмурился, глядя на такое ихъ молодечество и будто досадуя, что оно пришлось на долю Русскихъ, которые были уже у него на плечахъ. «Кавказъ ничега передъ Альпами!» сказалъ Суворовъ, смотря съ горы внизъ. Тутъ наши по-неволѣ вспомнили свой сѣверъ, потому-что вершина горы покрыта была льдомъ и снѣгомъ; ихъ сжало сильнымъ морозомъ, которому любо было пріютиться у каждой мокрой нитки. Еще нѣсколько шаговъ вверхъ, и нашихъ чудо-богатырей будто не было на землѣ: они исчезли въ облакахъ. «Провидѣніе забросило насъ за облака», писалъ потомъ Суворовъ къ митрополиту Амвросію. Нашимъ нужно было показать теперь новую удачу: изъ-за облаковъ спуститься внизъ. И взглянуть туда было страшно: тамъ зіяли глубочайшія пропасти, вотъ-вотъ готовыя поглотить всякаго мало-мальски неосторожнаго, не говоря уже о зѣвакахъ. Стоило только поскользнуться, оступиться, и одинъ невѣрный шагъ выплачивался цѣлою жизнію. Увы! въ швейцарскій

походъ не обошлось безъ такихъ случаевъ: были несчастныя жертвы, обрывавшіяся съ горы и низвергавшіяся въ бездну. Нерѣдко эти жертвы, стремглавъ несясь съ высоты, хватались то за скалу; то за дерево, за все, попадавшееся имъ на встрѣчу, и, не удержавшись все-таки падали въ пропасть: потрясающее зрѣлище! Тутъ была настоящая борьба съ самою природою. Но честь и слава Русскимъ: они вышли побѣдителями, съ Сень-Готарда спустились въ Муттенскую долину. «Знаешь ли ты трехъ сестеръ, которыя перевели насъ черезъ горы?» спрашивалъ Суворовъ у Милорадовича: «Онѣ называются *Вѣра, Надежда и Любовь*—съ ними Богъ».

Переходъ черезъ Альпы совершенъ былъ Русскими послѣ италійскихъ походовъ, послѣ жаркихъ битвъ съ Французами, когда солдаты и безъ того были довольно утомлены. Новое изнуреніе силъ послѣдовало еще отъ того, что Австрійцы обѣщали прислать провіантъ, и не прислали. Нашимъ солдаткамъ приходилось дѣлиться послѣднею картофелю, послѣднимъ кусочкомъ сыра: о! на Австрійцевъ посыпались тогда заслуженныя проклятія. Но и на этомъ не кончились еще для нашихъ грозныя обстоятельства: въ горахъ гнѣздились Французы, съ которыми надо было имѣть жаркое дѣло. Солдаты нѣкоторыхъ полковъ взорвали на Суворова. «Что онъ дѣлаетъ съ нами?» говорили они: «куда онъ насъ завелъ?» Узнавъ объ этомъ, Суворовъ велѣлъ выстроить эти полки и въ виду ихъ рыть могилу; потомъ обратясь къ недовольнымъ, вскричалъ: «Вы безславите мои сѣдины! я водилъ къ побѣдѣ отцовъ вашихъ, но вы не дѣти мои—я не отецъ вашъ! Ройте мнѣ могилу, положите меня въ могилу! Я не переживу моего стыда и вашего позора!» И онъ побѣждалъ къ могилѣ, тронутые до слезъ солдаты бросились къ Суворову съ крикомъ: «Отецъ нашъ! веди насъ, веди — умремъ съ тобою! Почти невѣроятнo, откуда взялись у нихъ силы: они били, гнали Французовъ вездѣ, очищая отъ нихъ горныя проходы одинъ за другимъ, такъ-что Суворовъ могъ отслужить въ Сень-Готардскомъ монастырѣ благодарственный молебенъ.

Въ Муттенской долинѣ Суворовъ узналъ, что корпусъ Корсакова разбитъ Массеною при Цюрихѣ, тѣмъ самымъ Массеною, на котораго онъ хотѣлъ нагрянуть, чтобъ, поразивъ его, прогнать Французовъ изъ Швейцаріи, и этимъ завершить свои геройскіе подвиги. Пораженіе произошло оттого, что Австрійцы, подъ начальствомъ эрцгерцога Карла, оставили Русскихъ до прибытія Суворова,

что не следовало бы делать, но что сделано по их вѣроломству. Трудно себя представить, какъ раздосадовало, разгнѣвило, огорчило фельдмаршала такое печальное извѣстіе: онъ заплакалъ. Между тѣмъ Массена, поразивъ Корсакова, устремился на самаго Суворова и заперъ ему все выходы изъ Муттенской долины, окруженной горами. О! неужели суждено пропасть здѣсь русскому чудо-богатырю? неужели онъ живой отдастся въ руки непріятеля? ужели не распадется передъ нимъ эта западня? Выѣзжая изъ Цюриха, французскій главнокомандующій объявилъ тамъ русскимъ плѣннымъ офицерамъ, что черезъ нѣсколько дней привезетъ къ нимъ фельдмаршала и Великаго Князя Константина Павловича,—такъ онъ увѣренъ былъ въ окончательномъ истребленіи русской арміи. Суворовъ увидѣлъ тогда не только измѣну, но и предательство со стороны Австріи. Не думая уже о наступательныхъ дѣйствіяхъ, какъ было имъ предположено, теперь онъ только хотѣлъ спасти свою армію, хотя и спасти ее было почти невозможно, въ чемъ, какъ рассказываютъ, отчаявался и этотъ великій полководецъ, твердившій только постоянно: «Не дамъ костей своихъ врагамъ, умру здѣсь, и пусть на могилѣ моей будетъ надпись: Суворовъ жертва измѣны, но не трусости! Чтобы скрыть отъ войска тревожное состояніе духа и казаться какъ можно спокойнѣе, онъ велѣлъ подать себѣ шкатулку съ орденами и другими знаками отличій: раскладывалъ ихъ предъ собою, любовался ими, приговаривая: «вотъ это за Очаковъ! это за Прагу!» и т. д. Созванъ былъ военный совѣтъ. «Впередъ идти намъ», сказалъ Суворовъ, «невозможно: у Массены болѣе 60,000 войска, а у насъ его нѣтъ полныхъ и 20,000. Назадъ идти стыдно: это значило бы отступать, а я съ Русскими никогда не отступалъ. У насъ мало сухарей, почти нѣтъ зарядовъ и патроновъ; мы окружены горами, окружены непріятелемъ сильнымъ, возгордившимся недавно побѣдою, но мы Русскіе, съ нами Богъ!.. Помощи намъ ждать теперь не отъ кого: одна надежда на Бога, другая на храбрость и самоотверженіе войска. Спасите честь Россіи и ея Самодержца! спасите сына нашего Государя!» Съ этими словами великій полководецъ, весь въ слезахъ, палъ къ ногамъ Великаго Князя Константина Павловича, который тотчасъ поднялъ его, обнималъ, цѣловалъ его плечи и руки, также проливая слезы. «Отецъ нашъ, Александръ Васильевичъ!» сказалъ въ отвѣтъ генераль Дерфельденъ: «Мы знаемъ, что намъ предстоитъ теперь; но развѣ и ты не

знаешь насъ, не знаешь ратниковъ, которые преданы тебѣ душою, безотчетно любятъ тебя? Чтѣ бы ни встрѣтилось намъ, ты, отецъ нашъ, не увидишь въ насъ ни гнусной трусости, ни ропота, столь несвойственныхъ русскимъ людямъ. Клянемся тебѣ предъ Богомъ: вѣрь намъ! Хотя бы въ горахъ намъ пришлось перенести еще бѣдшя трудности, чѣмъ нами прежнія, мы готовы; хотя бы цѣлыя сотни тысячъ Французовъ окружили насъ, мы пробьемся, не посрамимъ русскаго оружія, а если падемъ, то со славою. Веди насъ, куда знаешь; дѣлай, какъ думаешь: мы твои, мы Русскіе!» При этомъ всѣ въ одинъ голосъ сказали: «Клянемся!», чтѣ необыкновенно обрадовало взволнованнаго фельдмаршала, который отвѣчалъ имъ отрывистою рѣчью: «Надѣюсь!.. радъ! помилуй Богъ!.. мы Русскіе!.. благодарю!.. разобьемъ врага!.. побѣда надъ нимъ, побѣда надъ коварствомъ! побѣда, побѣда, побѣда!» Всѣ вышли отъ фельдмаршала съ одною мыслию — побѣдить или умереть со славою, и каждый начальникъ передалъ эту мысль солдатамъ. Заглись отъ нея богатырскія сердца, и въ русскомъ войскѣ были тогда не люди, а львы, какъ скоро показало самое дѣло.

Вотъ напалъ на нихъ Массена, считавшій ихъ своею неизбежною добычею: они блистательнымъ образомъ отразили всѣ его атаки. Этого мало: послѣ нѣсколькихъ продолжительныхъ битвъ, одержали надъ нимъ даже двѣ достославныя побѣды. Выравшись такимъ образомъ изъ желѣзной клѣтки и имѣя приказаніе подвигаться впередъ, къ мѣстамъ безопаснымъ, русскіе львы понеслись тогда по горамъ, по доламъ, чрезъ лѣса и рѣки, опять одолевая самую природу. Новыя чудеса храбрости нужно было показать нашимъ богатырямъ: Французы ловили ихъ повсюду; атака слѣдовала за атакой, бой происходилъ за боемъ, притомъ разъ за разомъ въ теченіе нѣсколькихъ дней сряду. У Суворовцевъ за храбростію дѣло не стало. Французамъ, хотя и съ несравненно большими силами, вездѣ хорошенъко доставалось отъ русскаго штыка-молодца и отъ суворовскаго натиска. Когда фельдмаршалъ замѣчалъ, что солдаты, выбившись изъ силъ, начинали унывать, то развеселялъ ихъ пѣнію: «Что дѣвушка сдѣлалось? что красной случилось?» а на ночлегахъ и привалахъ подходилъ къ ихъ кружку, вмѣшивался въ ихъ разговоры, шутилъ, смѣшилъ ихъ разными поговорками; все это такъ ободряло утомленныхъ воиновъ, будто сообщая имъ новыя силы, что они готовы были на самые невѣроятные подвиги. Видя, что съ бо-

гатырскою суворовскою армією справиться нельзя, и получая отъ нея пораженіе за пораженіемъ, Французы оставили наконецъ ее въ покоѣ; и она послѣ шестнадцати-дневнаго безпримѣрнаго перехода, расположилась въ мѣстахъ, безопасныхъ отъ непріятеля. Едва вѣрится, а было такъ: русская армія была спасена. Наши солдатухи могли теперь отдохнуть, обогрѣться, подкрѣпить себя пищею; стали чинить обувь, справлять аммуницію; скоро пошли у нихъ веселыя пѣсни, прежнее горе было забыто; они даже шутили надъ своими минувшими страданіями.

Получивъ донесеніе о швейцарскомъ походѣ, Императоръ Павелъ возвелъ Суворова въ санъ *генералиссимуса* всѣхъ руссійскихъ войскъ, и велѣлъ воздвигнуть ему памятникъ въ Петербургѣ. Тогда же данъ былъ ему приказъ возвратиться въ Россію. Вздрогнули Австрійцы, узнавъ о выступленіи русскихъ войскъ, и дорого заплатились потомъ за свою неблагодарность къ Русскимъ: въ тотъ день, когда Суворовъ оставилъ Швейцарію, къ берегамъ Франціи присталъ корабль, съ котораго сошелъ на пристань Наполеонъ-Бонапартъ.

На возвратномъ пути Александръ Васильевичъ былъ чрезвычайно веселъ: являлся на балахъ, по-прежнему шутилъ и спорилъ съ тѣмъ, у кого видѣлъ портретъ свой, изображавшій его старикомъ, называя себя «молодцомъ» и, въ доказательство этого, прыгалъ по залѣ. Прослезился отъ радости, когда въ одномъ городкѣ встрѣтилъ его хоръ дѣтей, пропѣвшихъ пѣснь, составленную въ честь его: перецѣловалъ маленькихъ пѣвцовъ, усадилъ ихъ за столъ, потчивалъ, самъ пѣлъ съ ними. Въ Прагѣ (богемской) помолвилъ сына своего Аркадія Александровича, съ принцессою Курляндскою, и устроилъ у себя по этому случаю вечера, на которыхъ всѣ увидѣли, какъ празднуются русскія святки: тутъ играли и въ жмурки, фанты, жгуты, пѣли подблюдныя пѣсни, плясали, играли въ хороводы; Суворовъ самъ пѣлъ, плясалъ, пугалъ танцы. Въ Краковѣ простился съ своими солдатухами и сдалъ надъ ними начальство генералу Розенбергу, намѣревался летѣть въ Петербургъ, гдѣ нетерпѣливо ждали его прибытія. Не тутъ-то было: человекъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ; Суворовъ не летѣлъ въ столицу, а едва двигался.

Еще въ Краковѣ онъ почувствовалъ себя нехорошо: на тѣлѣ его стали показываться сыпь и пузыри, и открылся кашель. Въ Кобринѣ онъ слегъ въ постель; отъ дороги болѣзнь усилилась. Тогда

внзязъ Багратіонъ поскакалъ въ Петербургъ съ донесеніемъ. Огорченнй Императоръ тотчасъ послалъ къ большому своего лейбъ-медика Вейкардта, давъ приказъ сыну генералиссимуса также отправиться въ Кобринъ, и между-прочимъ писалъ къ Александру Васильевичу: «Молю Бога, да возвратитъ мнѣ героя Суворова!» Цѣня высокое попеченіе Монарха, но никогда не любившій лечиться, Суворовъ съ трудомъ принималъ совѣты Вейкардта, и постоянно говорилъ: «Мнѣ надобны деревенская изба, молитва, баня, кашица да квась». Медикъ никакъ не могъ отговорить его отъ постной пищи, которую и самъ принужденъ былъ ѣсть съ нимъ. Когда Вейкардтъ совѣтовалъ ему одѣваться потеплѣе:

— Я солдатъ! отвѣчалъ больной.

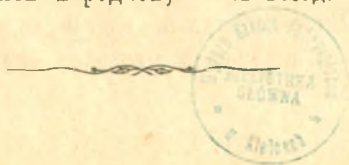
— Вы генералиссимусъ! возражалъ медикъ.

— Такъ, да солдатъ съ меня примѣръ беретъ, возражалъ больной.

Курьеръ за курьеромъ летали изъ Петербурга въ Кобринъ и обратно, привозя радостныя вѣсти о милостяхъ царскихъ. «Вотъ это вылечитъ меня лучше, чѣмъ Иванъ Ивановичъ Вейкардтъ!» говорилъ Суворовъ. Послѣдовало облегченіе болѣзни. По случаю великаго поста, больной каждый день сталъ ходить въ церковь, разумѣется, въ сопровожденіи врача: тамъ пѣлъ, читалъ Апостолъ и молился въ землю. Но когда изнуренныя силы его слишкомъ напоминали ему преклонность лѣтъ, онъ говорилъ тогда: «Нѣтъ, старъ я сталъ. Поѣду въ Петербургъ, увижу Государя, и потомъ—умирать въ деревню!» гдѣ собирався построить каменный домъ съ церковью. Онъ выѣхалъ изъ Кобрина. Ѣхалъ теперь не въ своей любимой телѣжкѣ, а въ дормезѣ, притомъ лежа на перинѣ и дѣлая не болѣе 25 верстъ въ день, какъ совѣтывали ему врачи. «Дайте, дайте мнѣ только увидать Государя!» въ нетерпѣніи говорилъ больной; а Государь писалъ къ нему, что «радуется приближенію часа, когда обниметъ героя всѣхъ вѣковъ». Въ нѣсколькихъ станціяхъ за Вильною, вдругъ почувствовалъ онъ себя очень дурно, такъ-что не могъ продолжать путешествія и долженъ былъ остановиться въ одной деревушкѣ: тамъ, въ крестьянской хатѣ, на простой лавкѣ лежалъ знаменитый, но почти умирающій полководецъ, прикрытый только простынею. Послѣ нѣкотораго облегченія, онъ снова началъ путешествіе. Въ Ригѣ, собравъ послѣднія силы, онъ надѣлъ мундиръ, отправился въ церковь и отстоялъ всю обѣдню въ первый

день св. Пасхи. Но дальнѣйшій путь его отъ Риги до Петербурга походилъ уже на похоронное шествіе: карета шла почти шагомъ; изъ нея по временамъ вылетали вздохи: «Охъ! что-то устарѣлъ я!» народу по дорогѣ запрещено было привѣтствовать героя, и большого провожали въ безмолвіи, со слезами и молитвою. Двѣ недѣли тянулось это шествіе. Въ Стрѣльнѣ ожидали его родные, друзья и многіе изъ жителей Петербурга. Взглянувъ на больного, они залились горькими слезами: то былъ не Суворовъ, то была тѣнь великаго Суворова, который говорилъ еще съ ними, хотя слабымъ голосомъ, и благословлялъ подводимыхъ къ нему дѣтей. По прибытіи въ столицу, больной едва могъ дышать. Государь тотчасъ послалъ къ нему любимца его, князя Багратіона, который донесъ больному все, что ему было повелѣно. Александръ Васильевичъ, казалось, оживился, но съ трудомъ проговорилъ: «Поблонъ мой... въ ноги... Царю сдѣлай... Петръ!... ухъ... больно...» и застоналъ, и впалъ въ бредъ. Всякій часъ доносили государю объ Александрѣ Васильевичѣ. Еще приподнимали его съ постели, когда ему хотѣлось, сажали въ кресла, двигали ихъ по комнатѣ; но голова у него уже не могла прямо держаться, и онъ сильно забывался. Послали за священникомъ: умирающій исповѣдался, причастился и—всѣмъ сказалъ послѣднее *прости!* Въ предсмертномъ бреду вырывались еще изъ груди его невнятные звуки; онъ грезилъ о битвахъ, отдавалъ приказы войску; потомъ успокоился и—умолялъ навсегда.

Прахъ Суворова покоится въ Александроневской лаврѣ, въ церкви св. Благовѣщенія. На гробъ его сдѣлана слѣдующая надпись: *Генералиссимусъ Князь Италійскій, Графъ Александръ Васильевичъ Суворовъ-Рымникскій, родился 1729 г. 13 ноября, скончался 1800 года мая 6 дня.* Памятникъ герою, предположенный Императоромъ Павломъ Петровичемъ, воздвигнутъ былъ при августѣйшемъ сынѣ его, Александрѣ Благословенномъ, и поставленъ сначала на Царицыномъ лугу, а потомъ на площади близъ Троицкаго моста, получившей названіе *суворовской*. Въ честь и память неопобѣдимаго полководца, Императоръ Николай I велѣлъ переименовать любимый его Фанаторійскій полкъ *гренадерскимъ генералиссимуса князя Суворова Италійскаго полкомъ*. Суворовъ вѣчно будетъ жить и въ памяти народной, и имъ всегда будетъ гордиться Русская земля.

СОЧИНЕНІЯ В. НОВАКОВСКАГО

ДЛЯ СРЕДНИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

Гдѣ я? и кто я? Книга для чтенія родителей и наставниковъ съ дѣтьми. Цѣна **60** коп.

Біографическіе очерки:

пять названій.

Царь-богатырь Петръ Великій. Цѣна **75** коп.

Ученый Ломоносовъ. Цѣна **50** коп.

Генералиссимусъ Суворовъ. Цѣна **75** коп.

Митрополитъ Платонъ. Цѣна **40** коп.

Поэтъ Пушкинъ. Цѣна **40** коп.

Русская грамматика:

Предварительный курсъ для I-го класса. Цѣна **30** коп.

Къ нему **Христоматія** для I-го класса. Цѣна **60** коп.

Этимологическій курсъ для II-го класса. Цѣна **40** коп.

» » Съ методою преподаванія. Цѣна **80** коп.

Къ нему **Христоматія** для II-го класса. Цѣна **60** коп.

Синтаксическій курсъ для III-го класса. Цѣна **60** коп.

Къ нему **Христоматія** для III-го класса. Цѣна **60** коп.

Высшій курсъ для IV-го класса. Цѣна **40** коп.

Краткая Русская Грамматика (общепонятная). Цѣна **50** коп.

НАРОДНЫЯ ИЗДАНІЯ.

---

1 сер. { Дары Божіи, потребности и трудъ человѣка. Ц. 8 к.
Разказы о животныхъ и растеніяхъ. Цѣна 20 к.

2 сер. { Русская Исторія для начальныхъ училищъ. Цѣна 8 коп.
Съ нами Богъ или подвигъ русскихъ людей. Ц. 5 к.
Двѣнадцатый годъ. Цѣна 10 коп.

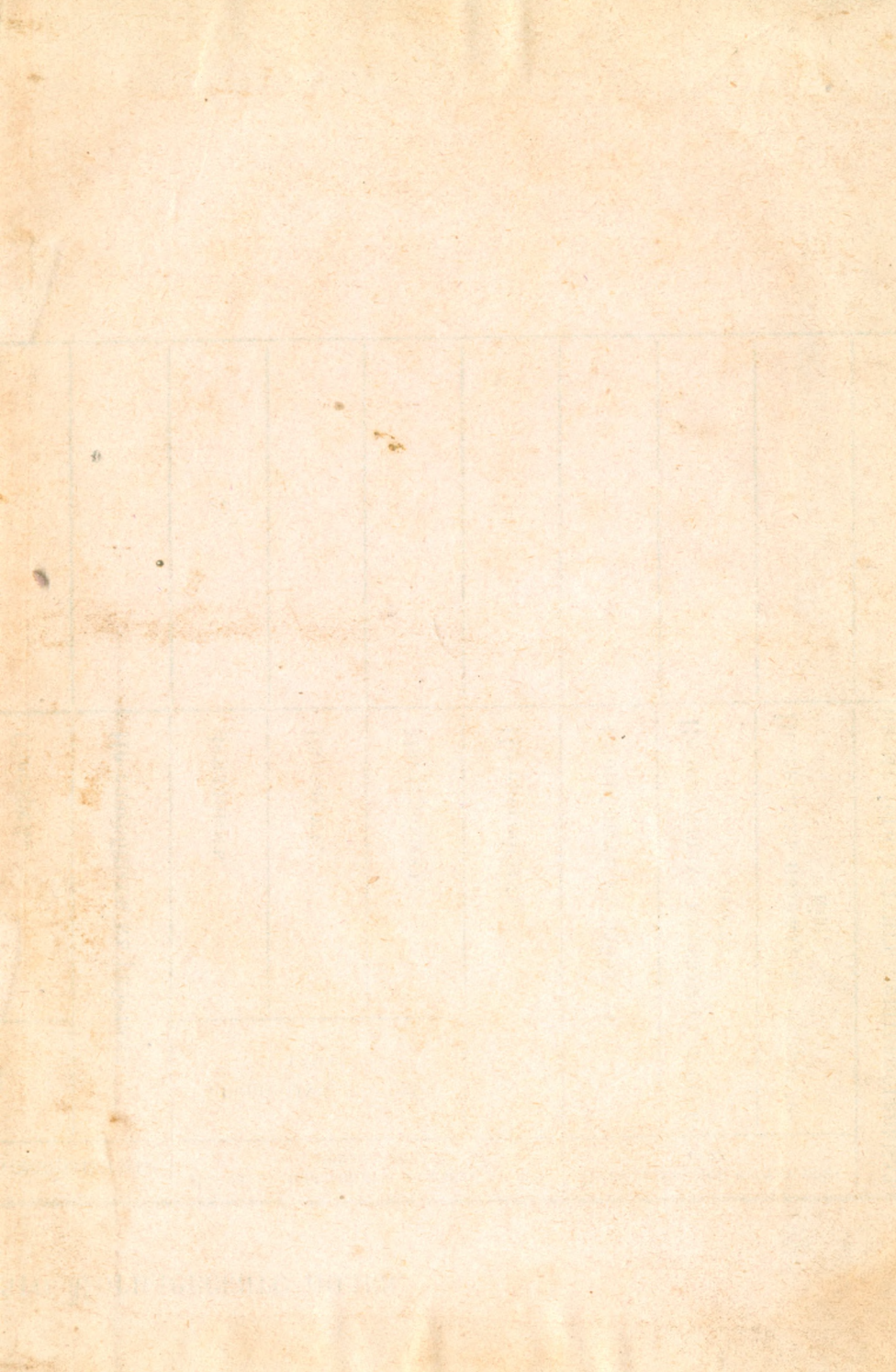
3 сер. { Разказы о Петрѣ Великомъ. Цѣна 25 коп.
Разказы о Ломоносовѣ. Цѣна 10 коп.
Разказы о Суворовѣ. Цѣна 20 коп.

4 сер. { Новый способъ обученія дѣтей грамотѣ. Ц. 15 коп.
Русская Азбука. Съ картинами. Цѣна 15 коп.
Русская грамматика для простолюдиновъ. Ц. 20 к.
Изборникъ (христоматія), для народн. училищъ. Ц. 60 к.

5 сер. { Для знакомства крестьянъ съ законами. Ц. 20 коп.

Продаются въ С.-Петербургѣ, въ книжныхъ магазинахъ: Фену и Товарищества «Общественная Польза».

30

WYŻSZA SZKOŁA
PEDAGOGICZNA W KIELCACH
BIBLIOTEKA

123004

Biblioteka WSP Kielce

0152266